

Право на гнездо

«... Когда сейчас читаешь это решение суда, оно совсем не похоже на победу. Это просто объемный документ длиной в двадцать шесть страниц. Вы знакомитесь с фактами и выдержками из законов, читаете аргументы и показания, перечитываете краткие судебные определения и оценки. Его просто тяжело дочитать до конца. Но если вы задумаетесь о мужестве судей, принявших это решение, вы вдруг осознаете, что за каждой страницей стоят дни и месяцы, отданные работе над этим судебным делом. Вы поймете, что это решение, возможно, спасло жизнь сотням людей и тысячам птиц, а также сотням тысяч других живых существ вокруг нас. И тогда вы осознаете, что каждое такое судебное решение — часть огромной мозаики. Мозаики, которая создается в разных уголках мира, чтобы защитить землю. Вы вдруг увидите повсюду вокруг себя её маленькие частички: плакаты по дороге на работу, выступления и протесты по телевидению, а еще — это люди, которых бросили в тюрьму за то, что они осмелились говорить правду вслух. Вы наконец признаетесь себе, что эта мозаика не что-то новое — она существует уже давным-давно, помогая вести бесконечную битву — битву, такую очевидную для одних и совершенно незамеченную для других. И тогда каждое слово судебного решения станет мечем и стрелой, оружием, которое еще не раз потребуется многим людям в их отважной борьбе за спасение планеты. Эти люди осмеливаются не думать о поражении, ведь иначе они бы не начинали борьбы — им просто нужны эти мечи и стрелы, чтобы продолжать своё дело. >

Андрей Андрусевич, Хинес Руис Масия

ПРАВО НА ГНЕЗДО

Андрей Андрусевич
Хинес Руис Масия

Право на гнездо

Право на гнездо

---

*Андрей Андрусевич
Хинес Руис Масия*

Львов – Мурсия
2006

Андрусевич А., Масия Х.

Право на гнездо. — Львов – Мурсия, 2006. — 84 с.

Перевод с английского (основная часть, дела I, IV)
Светланы Маркеловой и Галины Калужной

Литературная редакция русского издания
Натальи Геращенко

Рисунок на обложке
Марьяны Гречух

**Ресурсно-аналитический центр
«Общество и окружающая среда»
Resource & Analysis Center
“Society and Environment”**

пр.Черновола, 59, ком.307
79058 Львов, Украина

Тел/факс: +380 (32) 242 22 84
E-mail: office@rac.org.ua

**Европейский ЭКО Форум
European ECO Forum**

Mara Silina
European Environmental Bureau/EEB
34, Blvd. de Waterloo
B-1000 Brussels Belgium

Tel.: +32.2.289 13 05
Fax: +32.2.289 10 99

E-mail: mara.silina@eeb.org

**Ассоциация за экологическую справедливость
Asociación para la Justicia Ambiental (AJA)**

Pº Maria Agustin, 3, dcha. E-50004 Zaragoza Spain
E-mail: gines.ruiz@elaw.org

*Мы выражаем благодарность правительству Норвегии
за финансовую поддержку этого издания*

Содержание

Право на гнездо	5
------------------------	----------

Послесловие	54
--------------------	-----------

Приложения:

<i>Обзор дела I, Украина</i> «Зелёная» битва за дельту Дуная!..	57
---	-----------

<i>Обзор дела II, Молдова</i> Иск Ю. Волочук и В. Жалба к Сахарному заводу г. Глодень о взыскании материального ущерба, причинённого в результате сброса сточных вод	68
--	-----------

<i>Обзор дела III, Азербайджан</i> Обжалование отказа в предоставлении экологической информации	76
--	-----------

<i>Обзор дела IV, Украина</i> Защита активиста: история преданности делу	80
--	-----------

Право на гнездо

Утро было солнечным и тихим, яркий свет заливал всё вокруг, кругом царило спокойствие. Временами тишина нарушалась лишь трескотнёй аистов и рыданием моей сестры. Мы приехали сюда, чтобы навсегда попрощаться с той, которая любила нас больше, чем мы в состоянии когда-либо осознать. Мы были здесь, именно в этом месте, чтобы вернуть земле то, что ей всегда принадлежало.

* * *

Я родился в большом городе. Все большие города, как мне кажется, похожи друг на друга, поэтому вам совсем не обязательно знать его название, чтобы понять историю, которую я хочу рассказать.

Моя семья была самой обыкновенной. Отец был каменщиком в строительной компании, работающей в основном в на-

шем городе. Мама была учительницей в местной начальной школе. Жизнь наша протекала почти безоблачно и была просто идеальной для нас — детей. Каждый день мама отводила нас в школу, а в шесть вечера мы возвращались домой, где уже ждал нас папа. По выходным все было иначе. Рано утром каждую субботу мы ездили к деду. Он жил в маленькой деревне, и хотя она находилась у черты города, все же считалась сельской местностью. Для нас с братом эти поездки были настоящим удовольствием. У дедушки можно было гулять, где хочешь, кормить животных, ухаживать за растениями, плавать в речке летом и кататься на коньках зимой, и конечно же, играть в казаков-разбойников.

Дед был очень интересным человеком. Всю свою жизнь он прожил в деревне, где занимался фермерством, как когда-то его родители и родители его родителей. Их семья всегда жила и работала в этой деревне. И вот в семидесятых годах мои дедушка с бабушкой решили продать часть своей земли и заплатить из этих денег за обучение моей мамы, их единственной дочери. Они хотели дать ей шанс, который так необходим каждому, чтобы найти себя в жизни. Мамины родители продали почти всю землю, оставив себе лишь небольшой участок возле реки, где стоял дом, сарай и небольшой сад. Остальную часть земли вместе со старым домиком купила небольшая компания для развития сельскохозяйственных угодий с интенсивным типом ведения хозяйства. По сути, им нужна была только земля.

После смерти бабушки мама постоянно просила дедушку переехать к нам в город. Но он предпочёл жизнь в деревне, вдали от городского шума и суеты. Мои родители решили приезжать к нему почти на каждые выходные, чтобы «присматривать за ним». Эти выходные были самыми счастливыми днями для нас. Дедушка

рассказывал нам истории из своей жизни и из жизни деревни, мы узнавали много интересного о событиях и переменах, происходивших за время его долгого жизненного пути.

* * *

Однажды мы пришли на старую ферму возле реки. Она располагалась прямо за домом бабушки.

— Это священное место для нашей семьи, — сказала мама.

К тому времени, после наших игр в войнушки, я знал каждое бревно и каждое дерево на ферме. Здесь не было ничего такого, что сделало бы это место священным, разве что где-то здесь была спрятана потайная дверь или что-то в этом роде. Я улыбнулся.

— Смотри, — мама указала на гнездо аистов.

Я поднял голову и посмотрел на гнездо, которое видел до этого тысячу раз. Огромное, оно находилось на своём месте и было пустым. Его свили аисты на крыше домика. Точнее сказать, на том, что осталось от крыши, потому что дом был, вероятно, старше бабушки. В диаметре гнездо было около двух метров, там мог бы спрятаться шестилетний мальчишка.

— Ну и что? Это же обычное гнездо. Вокруг много других гнезд. — Я развел руками, подтверждая сказанное, но ничего не рассказал о нашей с друзьями вылазке прошлой весной, когда мы решили взглянуть на крупные белые яйца аистов.

— Это гнездо нашего аиста.

— Ну да, понимаю, — я замолчал. — А что значит «наш аист», мама?

— Это значит, что мы заботимся о гнезде, — ответила

мама. — Тебе надо будет завтра починить крышу. Дедушка больше этого делать не может, — добавила она.

Каждый год дедушка чинил крышу и стены старого дома, хотя и не пользовался самим домом. Единственной причиной для этого было гнездо аистов на крыше. Несколько раз я предлагал перенести его на какое-нибудь дерево поблизости или, лучше всего, на крышу нашего дома.

— Давайте просто перенесем гнездо, — Я опять высказал свою идею. Вот было бы классно, если б на нашей крыше жили аисты, подумал я.

— Возьми и почини! — перебила меня мама и пошла обратно в дом.

За обедом я спросил дедушку, нужна ли ему моя помощь в ремонте старого домика. Я надеялся, что он откажется и будет сам чинить крышу. Тем более, что этот день мне хотелось провести совсем по-другому — порыбачить с лодки было для меня намного интереснее и привлекательнее.

— В этом году в гнезде не живут аисты, — вмешалась мама. — Я подумала, что мы могли бы помочь тебе починить дом, — добавила она осторожно. Дедушка не любил, когда к нему относились, как к старому или слабому человеку.

— В гнезде живут молодые аисты! Они живут там вот уже несколько недель, я даже слышал их трескотню, когда самка прилетела к самцу, — спокойно ответил дедушка. — Можешь завтра идти на рыбалку, сынок, — с улыбкой обратился он ко мне.

— Странно, что их не было в гнезде, когда мы туда ходили, — сказала мама. — Наверное, они еще не снесли яйца, — решила она.

На следующий день, с первыми лучами солнца я вышел из дома. Идя к лодке мимо старой фермы заметил, что гнездо все еще пустовало. Мне стало любопытно, спят ли там птицы, и я вскарабкался по лестнице. Но в гнезде никого не было, только четыре белых разбитых яйца. «Может быть, это был орел? — подумал я. — Расскажу-ка об этом маме». Спустившись вниз, я направился к маленькой лодке, привязанной неподалеку.

* * *

Ещё одни выходные у дедушки подходили к концу. Мы сидели во дворе и слушали одну из его многочисленных историй, делая вид, что ему верим. По дороге домой папа часто подтрунивал над дедом, вспоминая услышанную от него очередную историю, ведь часто эта история шла вразрез с другими, рассказанными раньше. Но здесь, в дедушкином доме, сидя все вместе, мы слушали, затаив дыхание, эти истории. В этом было что-то особенное, что-то действительно важное для всех нас... Мы не могли подшучивать над дедом. Нам нравилась сама семейная атмосфера, независимо от того, есть правда в его историях или нет. Размышляя об этом, я вдруг понял, что не слушаю его рассказ.

— Вот почему мы заботимся о гнезде, — сказал дедушка. Я понял, что рассказ окончен.

— Ты починил старый домик? — спросил я.

— Да, я почти закончил! Но в следующем году мне, наверное, понадобится твоя помощь, — вздохнув, добавил он.

— Знаешь, я видел разбитые яйца в гнезде несколько недель тому назад. Извини, совсем забыл тебе сказать.

Я увидел, как мама и дедушка наклонились ко мне, и прочел в их глазах вопрос.

— Нет, это не я их разбил! — воскликнул я.

— Тебе никто и не говорит, что это ты. Может быть, их склевал орел. Иногда такое случается. Я же говорил, что там были аисты. — Дедушка повернулся к маме. Она кивнула, соглашаясь.

Я вспомнил разбитые яйца в гнезде.

— Ещё одно: яйца были разбиты, но не съедены.

— Ты уверен? Такое случается редко, — сказал дедушка. — Во всяком случае, я надеюсь, что через год они вернуться. — К концу дня он устал. Казалось, что рассказанные им истории, отбирали у него последние силы.

— А ещё я видел, как местные дети играли с яйцами, у них было где-то с десяток яиц. Может быть, что-то или кто-то разорил почти все гнезда в округе, — сказал я.

— Нет, этого быть не может! Нет такого зверя или птицы, которые просто так разбивали бы яйца аистов. И кто-то бы это заметил, по крайней мере, хоть один раз. Аисты бы не позволили легко разорять свои гнезда, — вдруг резко сказала мама.

* * *

Моя мама быстро набрала номер и забарабанила пальцами по маленькой полке в ожидании ответа.

— Привет, папа! Они не вернуться, нет, — взволнованно говорила мама со слезами в голосе. — Аисты, аисты не вернуться... Я только что смотрела новости: сотни их улетели из нашей местности в этом году и тысячи на протяжении нескольких прошлых лет... Считают, что это из-за погоды или изменений климата... Да, я могу позвонить тебе завтра. Я знаю, что ты занят. Хорошо, пока. Да-да, до скорого!

— Они не вернуться, они не вернуться, — прошептала она снова и посмотрела на меня. Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел её такой расстроенной, возможно, никогда. Если бы не слышал разговора, то решил бы, что кто-то умер.

— Это не конец. Может быть, они перелетели в другое место. Может быть, они вернуться. Тебе не надо так волноваться, — попытался я её успокоить.

— Ты не понимаешь. Наше гнездо опустело. В этом году впервые у нас не живут аисты. И они больше не вернуться, не вернуться никогда. Ты ведь слышал дедушкину историю? Это всё правда. Подумай об этом, — и она внезапно замолчала.

Я не слушал последней истории, и, если сказать честно, мне было всё равно. Но сейчас, когда мама попросила меня подумать об этом, то постарался вспомнить о чём говорил дед... и не смог. Тогда вдруг понял, что отец не подшучивал над дедушкиным рассказом по дороге домой. Боже мой! Неужели это та единственная история, которую мне следовало знать, и которую я прослушал? Как об этом сказать родителям и дедушке? Выйдя из комнаты, я размышлял о том, как мне найти выход из создавшейся ситуации, думал об аистах, о завтрашнем футболе и о нашей семье.

* * *

На следующие выходные мы, как обычно, поехали к дедушке. В этот раз мама провела с нами очень мало времени. Поздоровавшись с дедом, пошла в деревню поговорить с соседями. Она расспрашивала людей, не заметили ли они чего-то странного за последние пару недель, чего-нибудь, что объяснило бы, почему улетели аисты.

Никто ничего не мог ей толком рассказать, кроме одного человека, живущего возле сельскохозяйственных угодий компании. Он говорил, что переживает за свое здоровье. С того времени, как в деревне начала работу компания, он почувствовал, что вода уже не такая хорошая, как раньше. Мама об этом ничего не сказала дедушке, потому что не хотела его беспокоить. Она была молчаливой и задумчивой еще несколько дней после этого.

И вот в среду она решила посоветоваться со своим коллегой, учителем естествознания. Он сказал маме, что, возможно, эти сельскохозяйственные угодия могут быть напрямую связаны с проблемами в деревне ее отца. Мама уже думала над этим и ей было нелегко смириться с такой мыслью по нескольким причинам. Во-первых, было непонятно, как посевы могли заставить птиц покинуть местность. Люди пользовались землей много лет, и все это время аисты оставались с ними. А, во-вторых, мама чувствовала себя виноватой. Ее родители, возможно, поспособствовали возникновению проблемы, когда продали землю, а продали они ее для того, чтобы дать маме образование, образование, позволившие ей находиться здесь и выслушивать ответ, о котором она подозревала.

Беспокоясь о здоровье своего отца, мама взяла два выходных и в четверг утром поехала к дедушке, чтобы продолжить расследование. Тогда я в первый раз остался присматривать за братом, мне в то время было четырнадцать лет, брату Пете — только шесть, а моя сестра еще не родилась. Мама уже носила её под сердцем, ещё не зная об этом.

В субботу, когда мы приехали к дедушке, моя мама уже переговорила почти со всеми жителями деревни. В ней проживало немного семей — всего несколько десят-

ков. Однако она ещё не поговорила с хозяевами компании. Когда мы выходили из машины, мама попросила нас помочь дедушке в саду, а сама начала рассказывать отцу о своем расследовании. Она сказала, что ни у кого в деревне нет никакой информации о сельскохозяйственных угодьях, по крайней мере, так говорят ей люди. Мама попросила отца пойти с ней на территорию компании, чтобы поговорить с хозяевами и потребовать объяснения. Он согласился сопровождать её, хотя и сомневался, что услышит там какие-то объяснения. По сути, папа не хотел признавать то, что четыре разбитых яйца могут стать причиной крупной проблемы; по крайней мере не настолько крупной, чтобы оставлять детей одних на целых два дня!

Когда мама с папой приехали в компанию, у них сложилось впечатление, что их ждали. Им сразу показали какие-то сертификаты, где доказывалось, что угодья абсолютно безвредны для окружающей среды. Этого было достаточно, чтобы убедить моего отца в том, что все в порядке, и доказать моей маме, что все, как раз, наоборот.

В то воскресенье, возвращавшись домой, родители спорили всю дорогу: отец пытался уговорить маму забыть эту историю, а мама старалась вовлечь отца в борьбу, которую она только начинала; борьбу, которая станет переломным моментом в нашей жизни.

* * *

Теперь мама часто просила нас подождать ее и поиграть на школьном дворе, пока она встречалась со своими коллегами или работала в школьной библиотеке. Сейчас же я думаю, что мамины поздние возвращения домой, врядли могли способствовать тому, чтобы отец стал помогать ей.

* * *

На следующие выходные мы опять поехали к бабушке. Папа решил, что мама забыла об этой проблеме и осталась в городе, чтобы встретиться со старой подругой, приехавшей из-за границы; она собиралась приехать в деревню позже. На самом деле мама договорилась о встрече с волонтером экологической общественной организации. Их познакомил один её коллега, который сказал, что мама сможет больше узнать об экологических последствиях и влиянии на здоровье людей интенсивных способов ведения сельского хозяйства. Она понимала, что папе это не понравится, и все же чувствовала, что ей не следует останавливаться.

Та встреча стала решающей для мамы. В первый раз она поверила в то, что может сделать что-то важное для защиты земли, на которой живет. Ведь для нее эта проблема была не столько экологической, как личной. Здесь она выросла, здесь ее дети провели лучшие дни своей жизни, и кроме того, она никогда не забывала, что здесь, в этой земле, ее корни. Эта земля подарила ей возможность получить образование и стать тем человеком, которым она была сейчас: ведь за ее учебу было заплачено деньгами от её продажи. Мама пыталась не просто защитить оставшуюся у её отца собственность, но и то, что так было дорого её сердцу.

Мама разговаривала с тем человеком все утро; тогда она впервые услышала такие слова, как «оценка влияния на окружающую среду», «экологически чистые пестициды», «незаконное использование», «право на иск», «кампания в средствах массовой информации». В других обстоятельствах все эти слова казались бы ей странными и непонятными, но тогда в них звучала надежда. Эти новые термины как-то вдруг вошли в мамину обыденную речь.

Когда мама приехала к бабушке, то сразу же отправилась на территорию компании и попросила о встрече с хозяевами. Она хотела ознакомиться с заключением экологической экспертизы. Теперь мама знала, что компании следовало бы иметь такое заключение, раз уж они построили несколько водохранилищ и оросительную систему на землях, никогда до этого не знавших ирригации. Она увидела, как при этом изменились лица владельцев — может быть, она не настолько глупа, как им казалось. Конечно же, они попытались убедить маму, что им не требуется никакой экологической экспертизы, и показали ей те же сертификаты, что и в прошлый раз. Но она продолжала допытываться об имеющихся у них разрешениях. В конце концов маме сказали, что ей лучше было бы забыть о них и спокойно жить себе в городе. Тогда мама ещё не подозревала, что их слова были первой из многих других угроз, которые она услышит в будущем.

Обо всём этом, мама ничего не рассказала папе, даже когда он заметил, что она очень странно себя ведет, и спросил, зачем она набирает воду в пластиковую бутылку из реки. Дело было в том, что волонтер, с которым мама встречалась, знал одного человека из университета, и был уверен, что тот сможет помочь провести анализ проб воды. Она знала о том, как дорого стоят лабораторные исследования, и поэтому хотела использовать возможность сделать бесплатно.

Следующие несколько недель были спокойными, без особых событий. Теперь-то мы знаем, что мама никогда, ни на минуту, не забывала о своём деле, а просто ждала результатов анализов.

* * *

Зазвонил телефон, и я взял трубку. Не успев ничего сказать, я услышал мамин голос, которая находилась в

своей комнате и говорила по параллельному телефону.

— Слушаю, квартира Волковых.

— Привет, Анна, это Роберт из «Защитников дельты»
У нас уже есть результаты анализов. Нам надо встретиться. Можешь сегодня вечером зайти ко мне в офис?

— Я обязательно приду. Мне стоит волноваться?

— Н-да... ну... давай поговорим об этом позже, когда ты придешь.

— Хорошо, до встречи.

— Да, пока.

Произошло что-то важное, и я не мог просто промолчать. Меня не особенно беспокоили проблемы в деревне. Я начал очень волноваться за маму и за нашу семью вообще, ведь с того времени, как она начала работать над этим делом, многое изменилось. «Наше дело» — вот какое слово мама употребляла, говоря о проблемах в дедушкиной деревне. «Дело»... Мне всегда казалось, что дело должно касаться оружия, ограбления банка, или чего-то в этом роде... разве могли яйца аистов считаться «делом»?

Я напрямую спросил маму о её разговоре с Робертом, экологом.

— Мам, я подслушал твой разговор с Робертом.

— Тебе не надо было этого делать! Личные разговоры... они личные! Тебя что, этому не учили? А как же правила хорошего тона, которым отец и я пытаемся научить вас с братом?

— Мама, в нашей семье многое поменялось с тех пор, как ты начала заниматься «делом» — раньше мы много времени проводили вместе, мы любили друг друга, папа и ты всегда друг о друге заботились, вы заботились

о нас... а сейчас всё изменилось. Теперь у тебя никогда нет на нас времени, ты постоянно читаешь газеты и бумаги, сидишь в Интернете, звонишь Роберту... Теперь твоя жизнь — «дело», так, по крайней мере, поделись этим со мной. Я очень скучаю по тебе, мама, но все же я знаю, что это «дело» для тебя очень важно; поэтому прошу тебя, поделись с нами, если только ты хочешь, чтобы мы оставались вместе.

Мама начала плакать. В таком состоянии я видел её второй раз в жизни: первый раз это было, когда умерла мамина мама...

— Солнышко моё, ты прав. Я считала, что могу изменить мир и смогу это сделать в одиночку... я забыла, что я не одна. Ты ведь знаешь, что твой отец не поддерживает борьбу, которую я веду? Он считает, что мне это не по силам... и я начинаю думать, что он прав. Возможно, мне пора остановиться.

— Не делай этого, мама! Ты не может все бросить сейчас. Ты должна бороться за дедушку, бороться за землю, за аистов... должна бороться за нас, мама, потому что ведь эта земля — самое лучшее место на свете, разве ты забыла?

— Я знаю это, милый. Я чудесно это знаю. Но твой папа...

— Мамочка, ты должна его понять. Он просто переживает за тебя. Ты ведешь борьбу с влиятельными людьми, и может быть, если я буду бороться вместе с тобой, папа будет меньше волноваться.

Конечно, я знал, что это не больше, чем подростковая бравада, но мне так хотелось в этом всем участвовать!

— Ты прав, но ведь ты мне уже и так во многом помог. Ты заботаешься о своем брате!

— Но я хочу знать больше о деле. Я хочу знать, что ты делаешь, пока я присматриваю за ним.

— Хорошо! Давай сделаем так. Ты обещаешь мне, что будешь присматривать за братом, а я обещаю тебе, что буду держать тебя в курсе событий относительно дела, договорились?

— Ты пообещала, мама. Не забывай.

— Я не забуду. Не переживай.

В тот вечер мама поехала в офис организации «Защитники Дельты», а я остался дома присматривать за братом. С этого момента я принимал участие в «деле»!

* * *

Когда мама зашла в офис «Защитников Дельты», Роберт её уже ждал. Он выглядел очень встревоженным, и мама поняла, что это из-за результатов анализов.

— Анна, проблема оказалась серьезнее, чем мы предполагали. Может быть, мы кое о чем и не знаем.

— Почему ты так говоришь?! Каковы результаты анализов?!

— В том-то и дело. Пробы воды показывают высокий уровень пестицидов. Этот результат может объяснить, почему яйца аистов разбиты...

— Я тебя не понимаю.

— Послушай, мне кажется, компания использует запрещенные пестициды. Название этого вещества — ДДТ (дихлордифенилтрихлорэтан). Это вещество убивает насекомых; оно было открыто швейцарским химиком, получившим за свое открытие Нобелевскую премию в 1948 году. Когда ДДТ проникает в воду, например, с дождем, выпадающим на посевы, ранее обработанные ДДТ, то это вещество начинает воздей-

ствовать на все живое вокруг. Пестициды, попадающие в организм птиц, — непосредственно через воду или по пищевой цепи — вызывают недостаток кальция в их яйцах. Такое явление называется проблемой «тонкой яичной скорлупы». И тогда, высиживая яйца, аисты могут сами их раздавить.

— О господи! Это ведь может быть напрямую связано с нашей проблемой!!! Ты уверен, что они используют этот «ДДТ»?

— Видишь ли, вода содержит огромное количество этого вещества, а поля компании — самые крупные сельскохозяйственные угодья в нашей местности. Кроме того, эти сельскохозяйственные земли принадлежат местной компании, которая называется «Грин Нью Кропс Лимитед», их название означает «новые зеленые посевы», но боюсь, что это всего лишь название.

— Что ты имеешь в виду?

— Эта компания — часть более крупной компании — транснациональной корпорации под названием «Уильямс Кропс Инкорпорейтед». А у этой компании уже были проблемы с использованием ДДТ в других странах.

— Гм... Понимаю... Мы обнаружили откуда исходит проблема!

— Ну, по крайней мере, частично.

— Что ты имеешь в виду?

— Пробы содержат не только пестициды. Вода имеет высокое содержание ртути, и мы считаем, что это уже никак не может быть связано с пестицидами.

— Но ведь ртуть не так опасна, правда?

— Да нет, она очень опасна! Ртуть — тяжелый металл.

Чрезвычайно опасный металл! Она может загрязнять воду, потом рыбу, затем птиц, питающихся рыбой, а потом и людей, которые едят птиц и рыбу... и остается она в организме на тысячи лет!

— Но если это не связано с пестицидами, откуда она берется? Кто виновник загрязнения?

— Помнишь, ты говорила, что в этой местности нет промышленности, то есть...

— А её там и нет!

— И все же уровень ртути в воде невозможно объяснить бытовым загрязнением.

— Н-да... А как же старый завод по производству хлора? Но ведь это было очень давно.

— Ты сказала завод по производству хлора? Ты уверена?

— Да, конечно. Этот завод находился вверх по реке от дома отца; мой дядя там долго работал. По сути, он находился как раз там, где сейчас расположена часть земель компании.

— Тогда нам необходимо этот вопрос изучить. Можно поговорить с твоим дядей?

— Ну, разве что если ты медиум... он давно умер.

— Извини. А ты знаешь кого-то, кто работает на этих землях?

— Многие наши соседи там работают.

— Как ты думаешь, согласился ли бы кто-то из них с нами поговорить?

— Ну, один из них мой друг, честно говоря, он — моя первая любовь. Но он будет с нами разговаривать, только если мы его убедим, что это серьезная проблема.

— Об этом не беспокойся, положишься на меня.

* * *

— Анна, нам нужно начать кампанию.

— Какую еще кампанию?

— Нам нужно объяснить людям, что происходит вокруг них, например, как использование пестицидов влияет на здоровье людей. Нужно им показать, что сельское хозяйство может быть вредным, если его неправильно вести, то есть не выполнять определенных требований. Нам следует объяснить влияние вредных факторов на экосистему, в частности на аистов.

— Но ведь я никогда на проводила кампаний.

— Не переживай, у нас есть опыт такого рода кампаний. Мы это организуем и еще проведем лекцию в университете, где изложим суть проблемы.

— Никто из жителей деревни не учится в университете, а им ведь нужно знать об этой опасности.

— Хорошо, мы дополнительно проведем лекцию в местной библиотеке и развесим плакаты с объявлением о лекции по всей округе. И нам надо будет написать сообщение для прессы или даже провести пресс-конференцию.

* * *

Вот это да! Следующие недели были просто сумасшедшими! Лекции в университете, расклеивание плакатов в городе и в нашей деревне, собрания и встречи с людьми... Роберт объяснил маме, что о проблеме лучше рассказывать человеку, которого она напрямую коснулась, поэтому это сделала мама. Она провела пресс-конференцию и заявила, что компания «Грин Нью Кропс Лимитед» несет ответственность за загрязнение реки

и за проблемы людей со здоровьем, из-за того, что она использует ДДТ. После пресс-конференции история появилась в нескольких газетах города и в информационном бюллетене, издаваемом в деревне... и мою маму даже показывали по телевизору!

После этого люди, живущие в деревне, стали доверять маме. Они начали ей звонить и рассказывать о своих проблемах со здоровьем, связанных, возможно, с загрязнением. Никто и никогда раньше не задумывался, что их проблемы могут быть непосредственно связаны с загрязнением, но услышав объяснения мамы и Роберта, население начало беспокоиться.

Компания «Грин Нью Кропс Лимитед» напечатала несколько опровержений в прессе, утверждая, что все эти голословные утверждения не более, чем ложь, и что компания не использует ДДТ, однако им никто не поверил. Мама и Роберт рассказали людям о других случаях использования ДДТ, в которых была замешана компания «Уильямс Кропс Инкорпорейтед», и люди не на шутку испугались.

* * *

В дом зашёл мой отец, держа в руках письмо. Он показал его маме, та быстро перечитала, и они вышли в другую комнату. Я услышал, как они ссорятся между собой. Родители так громко кричали, что я решил посмотреть, что же происходит.

«Теперь тебя вызывают в суд! Это уже слишком, слишком, ты слышишь меня? Что ты собираешься делать?! Потратить всю зарплату на адвокатов?», — кричал мой отец. Заметив меня, он хлопнул дверью и вышел.

Моя мама и организация «Защитники дельты» несколько дней искали адвоката. Как это ни удивительно, но адвокат, которого нам порекомендовали, жил почти

по-соседству. Дом, где он снимал квартиру, находился напротив нашего. Впервые я увидел адвоката в зале заседаний, через несколько недель после их с мамой знакомства. Она не особенно радовалась тому, что он её защищает. Юрист сказал, что не возьмет вообще никакой платы, потому что считал, что наше дело «в общественных интересах». Мы не понимали, что такое «общественные интересы», поэтому переживали, что он будет не слишком хорошим адвокатом. Мы считали его одним из тех бесплатных юристов из юридической консультации, которые получают зарплату от правительства за то, что помогают бедным людям, а такие правозащитники, как нам казалось, не особенно пекутся о благе своих клиентов.

* * *

— Ваша честь, это дело касается подавления свободы слова в нашей стране. Оно о моей клиентке, матери двух детей, расценившей необходимость защищать окружающую среду, как свою обязанность. Это дело о группе людей, ставших на защиту общественного блага. А ещё оно касается всех организаций и объединений, беспокоящихся об экологии, об окружающей среде и о будущих поколениях.

Каждый человек, включая граждан нашей страны, имеет право на свободу слова. Это право надлежащим образом признано международными соглашениями, включая Европейскую конвенцию о правах человека и нашу Конституцию. Такое право включает в себя право иметь своё мнение, а также получать и распространять информацию и идеи.

Истец, компания «Грин Нью Кропс Лимитед», утверждает, что ими движет желание защитить свою репутацию. Таким образом компания просит суд вмешаться в

осуществление моей клиенткой права на свободу слова. Каковы причины такого их поведения? И чего хочет достичь истец? — Иван, наш адвокат, остановился, чтобы перевести дыхание.

* * *

— Предположим, что некоторые факты лживы. Не полагаете ли вы, что человека следует наказывать за распространение лживой информации? — спросил адвокат компании.

— Нет, я так не полагаю. Никто не может быть наказан за осуществление своего права, Ваша честь, — Иван повернулся к судье. — Этот вопрос, заданный истцами, лишь доказывает, что истинным их намерением является не защита своей репутации, а наказание моей клиентки и запугивание других. А наказание не может быть правомерной целью гражданского процесса в нашей стране — в отличие от уголовной или административной ответственности.

* * *

Компания «Уильямс Кропс Инкорпорейтед», крупная транснациональная корпорация, судилась с моей мамой и ее друзьями за распространение клеветы, судилась из-за плакатов и выступлений в прессе. Они опровергали свою причастность к загрязнению окружающей среды и утверждали, что информация, распространяемая моей мамой, ложная и наносит вред их репутации, и требовали возмещения ущерба в сумме порядка 20 000 американских долларов. Они также просили суд обязать её отказаться от своих заявлений и принести извинения через местную газету. Но выполнить эти требования было нереально. Сумма ущерба была огромной, и выплата таких денег была просто невозможной для нашей семьи. Иван и мама провели несколько недель, изучая

материалы и готовясь к предъявлению своих показаний и свидетельств. Мама напряженно работала; мы все чувствовали, что она боится того, что может случиться. Таким образом тревога поселилась в нашем доме — нас всех преследовало это чувство. Наиболее гнетущим для нас было мамино отчуждение. Мы видели её только утром. Она обычно сидела и читала газеты, бумаги... По всему дому были разбросаны разные газеты, карты, схемы и т. д. Даже на полу в ванной лежало несколько стопок документов. Все эти недели она спала на небольшом диванчике в гостиной. По утрам мы часто видели её спящей, в том, в чём пришла накануне.

* * *

Когда мы вышли из зала заседаний в последний день слушания дела в апелляционном суде, я был на год старше, чем тогда, когда впервые зашел в зал суда. Наши друзья поздравляли маму, улыбались и обсуждали, как им отметить конец этой истории. Но мама моя выглядела грустной. Не разделял радости остальных и Иван. Суд принял решение о том, что мама должна опубликовать опровержение и заплатить компенсацию. Сумма компенсации была смешной — меньше доллара. Но мама моя отнеслась к этому решению суда как к поражению.

* * *

Еще в машине, пока мы ехали домой, Иван начал строить планы.

- Нам нужно подать на них в суд, Анна.
- Кому «нам»? На кого в суд?
- На компанию. Нам нужно подать в суд на компанию. Тут направо поворачивай...
- За что?
- За использование ДДТ, за то, что они подвергают

опасности здоровье людей, за то, что они причиняют вред окружающей среде, за то, что они вредят аистам.

— Мы не можем этого доказать... Что может сделать суд? И кто «мы»?

— Красный свет, будь внимательна, видишь? «Мы» — это ты, «Защитники дельты», я. А еще у меня есть хорошие друзья, которые нам помогут.

— Но я никогда не обращалась в суд.

— А я обращался. Мы сможем привлечь их к ответственности. По закону. Они прекратят использовать ДДТ и принесут свои извинения. Все они, включая тех, кто способствовал этому. Мы можем обратиться в международный суд, мы можем...

— Давай об этом поговорим подробнее, — сказала мама, открывая дверь дома.

* * *

С того самого дня, когда Иван предложил начать судебный процесс, родители ругались и спорили почти каждый день. Когда на маму подали в суд за распространение клеветы, отец очень расстроился, но понимал, что ей необходимо защищаться. Он не мог представить свою жену в роли истца. У них никогда не было проблем с законом, а теперь, возможно, они будут втянуты в ряд судебных дел, что было бы из ряда вон выходящим для такой простой семьи, как наша.

Мама была очень настырным человеком, и полностью посвятила себя борьбе за то, что, как она чувствовала, было её правом и даже обязанностью. Её не нужно было убеждать в том, чтобы она восприняла и поддержала идею об обращении в суд для защиты своих прав.

— Анна, — сказал Иван, — мы не можем быть пассивными наблюдателями в этой истории. Нам нужно взять

инициативу в свои руки. Если мы будем только защищать себя от их нападений, то, в конечном результате, ничего не добьёмся, а обретём, разве что, новые проблемы.

— Я уже не раз думала об этом.

— Хорошо, тогда давай определимся с последовательностью наших действий. По крайней мере, нам следует, для начала, собрать информацию и доказательства, которые помогут подготовиться к процессу.

— Н-да... И что ты предлагаешь, Иван?

— Ну, во-первых, мы должны попросить власти предоставить нам информацию относительно земель компании, выданных ими разрешений, информацию по использованию пестицидов, влиянию ДДТ и т. д.

— Ха! Ты действительно считаешь, что они предоставят нам всю эту информацию?!

— Ну, им придётся сделать это. Существует закон, где говорится о том, что они обязаны предоставлять экологическую информацию.

— Правда? А что произойдет, если они откажут в нашей просьбе? Как заставить их предоставить нам эту информацию?

— Ты слышала когда-нибудь об Орхусской конвенции?

— Ор... что?

— Орхусская конвенция. Это международный договор. Орхусс — название города в Дании, где в 1998 году приняли это важное соглашение. Оно называется конвенция «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». В

этой Конвенции говорится о том, что власти обязаны предоставлять экологическую информацию по требованию граждан. Кроме этого, правительство должно предоставлять колоссальный объем информации самостоятельно.

— А они ответят, что у вас нет никакого права требовать предоставления этой информации, потому что мы не являемся заинтересованным лицом. Не забывай, что не я, а мой отец — владелец земли.

— Для предоставления экологической информации, тебе совсем не обязательно доказывать свою заинтересованность. Эта информация доступна каждому.

— Н-да... Они действительно обязаны предоставлять информацию, которую мы потребуем?

— Ну, не совсем так. Нам могут отказать в нашем требовании в исключительных случаях, но эти случаи толкуются ограничительно. Основная идея Конвенции состоит в том, чтобы предоставлять как можно больше информации.

— Отлично! Чего же мы ждем! Ведь нам нужно узнать так много. Провела ли компания оценку влияния на окружающую среду? Есть ли у них разрешение на использование пестицидов? Если да, то какие именно пестициды им разрешено использовать? Есть ли у них какой-то аварийный план на случай разлива вредных веществ или других непредвиденных обстоятельств?

— Стоп, дай мне записать! Тебе действительно нужно много информации, Анна! — Иван рассмеялся, почувствовав тот же азарт и надежду, что и мама.

Я до сих пор вспоминаю, как мама с Иваном сидели дома до поздней ночи, что-то записывая и читая бесконечные бумаги... Конечно же, в конце-концов мой папа смирился с тем, что мама собирается бороться до конца; он хорошо знал её и понимал, что она не сможет больше молчать. Более того, в какой-то момент он начал помогать им: искал информацию, делал копии документов или просто готовил кофе, чтобы побороть усталость. И еще я помню, какой грустной была мама через месяц, когда власти отказались предоставить информацию.

— Но ведь ты говорил, Иван!.. Ты мне рассказывал, что они должны!.. Ведь об этом говорится в Орхусской конвенции!!!

— Да, я говорил тебе, Анна, что власти должны предоставить нам информацию, и они действительно обязаны это сделать. Их отказ является нарушением Орхусской конвенции, поэтому мы имеем право подать иск. И если мы собираемся это делать, нам необходимо немедленно обратиться в суд.

— Согласна, ведь мы не можем молчать?!

— Ну, это зависит от тебя. Я все же считаю, что нам нужно продолжать действовать.

— А достаточно ли у нас оснований для этого? Я имею в виду — есть ли какая-либо вероятность выиграть иск?

— Конечно! И главный наш аргумент — их отказ, а это — нарушение Орхусской конвенции!

— Тогда за дело!

* * *

В тот день мы были в суде не в роли ответчиков, а в роли истцов. Мы считали, что нам незаконно отказали в получении информации, и требовали, чтобы суд за-

ставил власти предоставить информацию, которая нам была необходима для подачи в суд основного иска. Боже мой, мама с Иваном еще только готовились к подаче в суд основного иска, а мы уже имели два разных дела на рассмотрении в суде! Всем стало ясно, что эта история будет продолжаться намного дольше, чем казалось сперва!

— Ваша честь, моя клиентка всего лишь желает получить информацию о сельскохозяйственных землях компании. Министерство, располагающее этой информацией, обязано предоставить её моей клиентке. Это просто, — сказал Иван.

— Почему вы считаете, что Министерство обязано её предоставить? — спросил судья.

— Наша страна ратифицировала Орхусскую конвенцию, мы даже приняли национальный закон, утверждающий, что каждый гражданин, лично или в составе группы людей, имеет право на доступ к экологической информации, которой располагают власти.

— Это правда, но вы ведь знаете, что власти имеют право и отказать в ходатайстве.

— Только в определенных случаях, а основания для отказа толкуются ограничительно. Несмотря на это, Министерство отказалось удовлетворить наше требование, утверждая, что моя клиентка лично не заинтересована в данном вопросе и что запрос изложен общими фразами, в некоторой мере даже абстрактными. Во-первых, моей клиентке не обязательно доказывать свою личную заинтересованность для получения доступа к информации. В Орхусской конвенции говорится, что нет необходимости доказывать свою заинтересованность; кроме этого, в выяснении этого вопроса заинтересована общественность, ведь моя

клиентка ведёт борьбу не в своих личных интересах, а в защиту общественных. Более того, наш запрос не был слишком общим, мы попросили предоставить нам конкретные данные, имеющие отношение к землям компании — какое разрешение у них имеется, какие виды пестицидов им разрешено использовать, какие виды пестицидов они якобы используют для обработки посевов и т. д.

— Что вы можете на это ответить? — обратился судья к представителю Министерства.

— Ваша честь, здесь рассматривается чрезвычайно важный вопрос. Если Министерство или власти обязаны предоставлять любую экологическую информацию, которой располагают, то нам, во-первых, для этого потребуется много времени. Во-вторых, такое решение может оказаться неэффективным и даже пагубным, поскольку будет отвлекать внимание от других неотложных дел и создавать неразбериху в административных органах.

— Мы ведь ратифицировали эту Конвенцию?

— Конечно, Ваша честь, мы ее ратифицировали. Но ведь это просто международное соглашение, конвенция, а не закон. Мы, как государственные чиновники, нуждаемся в более чётких инструкциях и законах для нашей деятельности.

— Вы хотите сказать, что международные соглашения или конвенции для вас просто пустые слова?

— Ну, я имею в виду, что...

— У нас есть национальный закон, который признаёт эти права? — перебил юриста судья.

— Да. В прошлом году Парламент принял несколько поправок к существующим законам. Это закон № 5/01.

— Желает ли истец что-либо добавить? — спросил судья.

— Да, желает. Во-первых, мы считаем неприемлемым тот факт, что Министерство сельского хозяйства и охраны окружающей среды относится к международным соглашениям как к пустым словам. Ведь именно оно отвечает за исполнение положений этих соглашений, а, видимо, не считает их законами вообще. А как же быть с Конвенцией о правах человека — это для нашего правительства закон или просто листок бумаги? Есть у нас эти права человека или нет? Очевидно, что суд не может принять к рассмотрению такой довод, как недостаточная юридическая сила международных соглашений. Это не что иное, как повод для сохранения непрозрачной и никому непонятной системы, отказывающей гражданам в осуществлении их прав лишь потому, что власти игнорируют эти права. Более того, даже если суд примет данный довод к рассмотрению, известно, что парламент принял закон № 5/01, который отображает положения Орхусской конвенции относительно доступа к экологической информации.

— Но, Ваша честь, отказ в предоставлении информации основывался на достаточных доводах. Запрос был изложен общими фразами, в некоторой мере даже абстрактными. Кроме этого, существует определенная информация, разглашение которой отрицательно повлияет на конфиденциальность промышленной и коммерческой информации, — возразил юрист, представляющий Министерство.

— Наше запрос не был ни общим, ни абстрактным. Как я уже говорил, он касался конкретных вопросов относительно земель компании, а также использования ею пестицидов вообще и ДДТ в частности. В отказе не

упоминалось, что такая информация носит промышленный или коммерческий характер. Я считаю это новым аргументом, который сейчас не может быть принят к рассмотрению в суде. В отказе должны быть указаны его причины, кроме того, он должен предоставлять информацию о возможности дальнейшего пересмотра решения. Однако в отказе, включенном в материалы дела, ничего об этом не говорится. Там только утверждается, что запрос абстрактен и что у моей клиентки нет личной заинтересованности. — сказал Иван. — В любом случае, если Министерство считает, что часть запрашиваемых данных нарушает право компании на коммерческую или промышленную тайну, то им следует объяснить, почему они придерживаются такого мнения. Более того, если эта часть информации может быть отделена от остальной, то Министерство обязано предоставить моей клиентке остальную часть информации, — заключил Иван.

— Ваша очередь дать окончательный ответ, — произнес судья, взглянув на юриста, представляющего Министерство.

— Мы придерживаемся нашей первоначальной позиции. Отказ был осуществлен в соответствии с положениями национального законодательства.

* * *

— Хорошо, теперь я понимаю, почему должна была быть проведена экологическая экспертиза, прежде чем компания начала новый сельскохозяйственный проект. Это — оценка всех возможных экологических последствий проекта. Они не прислали нам официального заключения экспертизы, но ведь у нас есть кое-какие неофициальные документы?

— Правда.

— Но можно ли в них разобраться? Ты видел эти документы? Я там не понимаю большинства слов, кроме, возможно, слов *Ciconia ciconia*, — улыбнулась мама. — Я узнала значение этого слова всего несколько месяцев назад — это аист.

Иван был членом особой организации, помогающей своим членам из разных уголков мира в решении различных юридических вопросов, касающихся охраны окружающей среды; их помощь включала даже предоставление научных заключений и знакомство с нужными экспертами и специалистами. Они представили нас (я думаю, что могу использовать слово «мы» после того, как заключил «договор» с мамой!) ведущим специалистам, занимающихся изучением водоболотных угодий и пестицидами. Эти люди согласились ознакомиться с нашими документами и после их изучения подтвердили, что аисты вероятно покинули наши места из-за ДДТ — это был практически неоспоримый факт. Эксперты выслали нам свои заключения в форме письменных показаний под присягой, оформление которых было одним из сотен правил, о которых узнала моя мама, когда начала заниматься этим делом.

Мама и её друзья разговаривали со многими людьми, пытаясь понять технические стороны вопроса и разработать стратегию ведения дела. Они узнали о том, что ДДТ многие годы запрещен к использованию во многих странах, и тонны его всё ещё складировются в ожидании безопасного (и дорогого) захоронения или уничтожения. А также выяснили, что в нашей стране вообще не вырабатывается ДДТ — и тогда стало ясно, что компания импортировала вещество из какой-то другой страны, игнорируя закон, запрещающий это.

Они также случайно узнали, что несколько лет назад парламент принял специальный закон, разрешающий импортирование «некоторых видов отходов». Делая соответствующие выводы, выяснили, что «отходы» по дороге на места их уничтожения могли стать «органическим веществом», а позже вдруг каким-то образом превратиться в «пестициды».

— Такой импорт отходов называется трансграничным перемещением. Это перемещение регулируется международными соглашениями, а также национальным законодательством. Мои коллеги из Казахстана столкнулись с подобными проблемами — их правительство отменило запрет на ввоз радиоактивных отходов, основываясь на научных исследованиях, и отказало им в предоставлении информации о научном заключении. Нам необходимо остановить нелегальный ввоз ДДТ. Это поможет предотвратить использование компанией данных химических веществ в будущем.

— А знаем ли мы, какое количество веществ они уже ввезли? Мы можем это выяснить? Мы знаем, почему именно правительство разрешает такой импорт?

— Ну, мне кажется, что Министерство сельского хозяйства и охраны окружающей среды может предоставить анализ экологической целесообразности для такого решения. Существует же где-то документ, на основании которого было принято решение о ввозе ДДТ. Давайте посмотрим, захотят ли они предоставить нам информацию на этот раз.

* * *

— Неважно, каковы результаты экологической экспертизы, если в них вообще говорится об использовании этих химических соединений, Ваша честь. Ввоз

ДДТ в нашу страну не может быть законным, потому что не существует технической возможности утилизировать эти вещества так, чтобы это было экологически безопасно. Экологически безопасная утилизация отходов в стране-импортере — обязательное условие правомерности импорта в соответствии с существующим международным и национальным законодательством и практикой. Мы считаем, что именно это обстоятельство послужило основной причиной отказа Министерства предоставить нам необходимую информацию.

— Суд принял решение о том, что истец не имеет достаточных оснований для обращения в суд, так как истца — экологическую неправительственную организацию — прямо не затрагивает данное решение правительства.

Когда Иван зашел к судье, чтобы взять копию решения, судья была на месте. Она плакала.

— Послушайте, — сказала она быстро. — Я больше не хочу в это вмешиваться. Я понимаю, что вы правы. Уверена, что вы сто раз правы. Но я просто не могу... Мне сегодня не звонил разве что наш президент. На следующей неделе я иду в декретный отпуск. Я даже не знаю, как написать обоснование к своему решению. Простите...

* * *

— Высший Суд считает, что истец — общественная организация — не может подавать такой иск в суд, если она не представляет его членов. Истец не представил суду соответствующих доверенностей от таких лиц для представления их интересов. Таким образом, суд отклоняет иск.

* * *

— Давай сделаем так. Мы воспользуемся нашим текстом заключения экологической экспертизы и подадим

иск. Если Министерство или компания будут отвергать какие-либо факты в этом документе, им придётся предоставить настоящий. Тогда мы сделаем соответствующие изменения. Мы даже можем изменить наши исковые требования, пока дело находится на рассмотрении в суде. Однако я сомневаюсь, что у нас будет в этом необходимость. Техническая сторона останется без изменений.

— Сколько у нас времени на подготовку иска?

— Гм, гм... Если мы хотим предотвратить следующее опрыскивание полей ДДТ, у нас есть около двух месяцев. Мы точно не знаем, насколько серьезны изменения, произошедшие в экосистеме. Это другой вопрос. Может быть, изменения уже необратимы, кто знает? У нас нет денег для проведения всевозможных исследований, взятия проб и проведения лабораторных анализов. Но не забывай, Анна, что в худшем случае всё это может затянуться на год или два.

— Два месяца на подготовку? Это невозможно!

— Один из моих близких друзей говорит, что «нет ничего невозможного», Анна, — улыбнулся Иван. — Мои друзья нам помогут, «Защитники дельты» тоже постараются сделать всё, что в их силах...

* * *

Когда я зашел в офис Ивана, там кипела работа. С десяток человек что-то писали, обсуждали, звонили по телефону, по всей комнате были разбросаны стопки документов. Я не мог войти, не наступив на какой-то лист бумаги. Офис выглядел, как штаб-квартира кандидата во время избирательной кампании. Иван стоял неподвижно; на лице его был отпечаток бессонных ночей и работы, которой не видно конца. Моя мама с кем-то говорила и улыбалась.

Я заметил пустые стаканы и чашки, бутылки из-под сока, несколько пустых упаковок из-под кофе, коробки из-под пиццы. По всей видимости, они там лежали уже несколько дней. Пока ждал маму, я дважды выносил мусор, наивно полагая, что смогу убрать комнату. Некоторые салфетки были исчерченны записями и схемами.

* * *

— Госпожа Волкова, мы понимаем, что Вас взволновал и расстроил тот факт, что аисты покинули местность; мы понимаем, что Вас тревожат возможные последствия для здоровья, якобы вызванные пестицидами, используемыми нашей компанией. Но ни Вы, ни мы не располагаем доказательствами того, что пострадало здоровье людей. И выяснить это не представляется возможным, ведь информация о состоянии их здоровья хранится в нескольких местных больницах, а мы к ним не имеем доступа. Мы можем согласиться прекратить использование этих пестицидов, однако мы сможем это сделать только после того, как используем запас, нами уже закупленный. Не тратьте свое время и деньги, отзовите Ваш иск. Мы могли бы даже компенсировать Вам хлопоты и время, потраченные на расследование. Например, оплатить обучение Вашего сына в любом университете нашей страны. Подумайте об этом, Вам не надо давать ответ немедленно.

* * *

— Анна, это не твое дело. Ты разрушаешь нашу семью, ты горишь свою жизнь. Сейчас у тебя появилась возможность остановиться, покинуть поле битвы победительницей. Они больше не будут использовать эти химикаты. Потом у тебя не будет шансов победить. В настоящий момент появилась реальная возможность помочь нашему сыну. Ты его мать!

Это были последние слова, которые я услышал прежде, чем уснул. Когда я проснулся, оказалось, что мама уехала к бабушке, взяв выходной в школе. Иван и какие-то другие люди, которых я не знал, звонили целый день. Мама моя не захотела разговаривать, когда я позвонил бабушке, который твердил, что с ней всё в порядке.

* * *

Через несколько дней мама вернулась домой поздно вечером, тихая и подавленная. Она приготовила ужин. Мы ели и разговаривали обо всем, кроме «нашего дела». После ужина я заметил, что она кому-то звонит.

— Привет, это я, Анна. Послушай, Иван, мне нужно с тобой поговорить... Да, это важно, — она посмотрела на меня и мне показалось, что я увидел в её глазах ответ, её решение, её выбор. Моя самая лучшая мамочка казалась такой незащищенной и выглядела такой обессиленной! Я подбежал к ней и положил руку на телефон.

— Подожди, мама, я принял решение. Я не пойду учиться в университет, я не могу начать свою взрослую жизнь, соглашаясь на такое. Мы ведь одна семья.

Я увидел отца, расстроенного, но в его взгляде чувствовалась гордость. Потом я уже ничего не видел, только слышал, как мамины слезы каплют на трубку, как-будто на барабан, «Тра-та-та, тра-та-та».

* * *

По дороге домой я остановился возле витрины книжного магазина. Хотелось посмотреть на новые плакаты с изображением моего любимого футболиста, благодаря которому наша национальная сборная выиграла последний чемпионат. Он был моим героем. За спиной я

услышал голос Ивана, он говорил с кем-то о мамином деле.

— Почему она так беспокоится об аистах? — спросил незнакомец.

— Она рассказала мне довольно странную историю. Хотя для неё эта история очень дорога. Много лет тому назад её семья приехала на эту землю. Первоначально там поселились её дедушка с бабушкой, чтобы начать новую жизнь. В то время у них не было детей, и насколько я понимаю, несколько лет они не могли завести ребенка; в конце концов они потеряли надежду. И вот однажды, прилетел аист и свил гнездо на крыше домика неподалёку, и в том же году у них родился мальчик, её отец, который до сих пор там живет. Они посчитали это Божьим даром. С того самого времени они начали заботиться о гнезде. Собственно, с гнездом они ничего не делали, а просто, когда нужно было, чинили крышу. В любом случае, аисты и гнездо стали символом судьбы их семьи, знаком надежды на будущее.

— Понимаю. Поэтому, когда она увидела разбитые яйца...

Я больше ничего не слышал. Всё во мне перевернулось. Меня как бы ударило электрическим током. Моё сердце билось так сильно, что казалось его биение было слышно всем вокруг. Как долго я простоял на одном месте и как попал домой не помню.

* * *

Главное дело было фактически разбито на несколько судебных процессов. Мы решили подать один иск на разрешение, выданное Министерством сельского хозяйства и охраны окружающей среды, другой иск на выводы экологической экспертизы и ещё один иск на разрешение на импорт ДДТ. Кроме этого, всё ещё про-

должалось рассмотрение дела о распространении клеветы в Верховном суде, дело о доступе к информации, а также готовились материалы для международных процедур, которые мы собирались использовать.

Подготовка каждого иска отбирала недели и месяцы. Каждый из этих исков содержал многочисленные документы, иногда несколько десятков, которые к делу прилагались: например, копии разрешений, заключения ученых, газетные статьи, карты, фотографии, выводы и отчеты всевозможных комиссий, организаций и специальных комитетов, копии предыдущих решений суда и решений в аналогичных судебных делах. Практически каждый иск сам по себе представлял сложное правовое и научное исследование.

Одновременно делом заинтересовались многочисленные национальные и международные организации. Они развернули широкие кампании в средствах массовой информации, чтобы привлечь внимание к этому вопросу и заставить компанию и правительство заняться его решением. Тысячи обращений посыпались в правительственные органы в поддержку кампании против использования ДДТ. Ведущие научные учреждения тоже не оставались в стороне: их мнение и активная поддержка были очень важными для нас. Но всего этого было все же недостаточно, чтобы убедить сельскохозяйственную компанию и Министерство. Похоже, им не нужна была правда. Ни виновники загрязнения, ни органы власти, обязанные контролировать работу предприятий, загрязняющих окружающую среду, не хотели замечать реальных фактов.

Не было, наверное, ни одной газеты — местной или национальной — которая не писала бы о нашем деле. У меня до сих пор дома хранятся статьи и вырезки из

газет. Там столько материалов, что хватит на несколько больших папок. Некоторые газеты опубликовали свои собственные расследования, утверждая, что нам заплатила компания-конкурент, чтобы занять часть рынка. Те, кто заплатил за эти грязные статьи, не желали понимать, что не всё в этом мире продаётся. Они не могли поверить, что кто-то выполняет чудовищный объём работы без всякой материальной выгоды для себя, а трудится во имя общих интересов. Возможно, дело моей мамы действительно помогло кое-кому из компаний-конкурентов занять сегмент рынка, я не знаю. Но дело было не в этом. Мама об этом не задумывалась. Она думала лишь о маленьком клочке земли, за который чувствовала свою ответственность.

* * *

— Ты действительно считаешь, что нам нужно подать новый иск? — спросила Ивана мама.

— Ну... ведь у нас не было доступа к процессу принятия решений, а это еще одно нарушение Орхусской конвенции и закона от 5/2001, — ответил Иван.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь о процессе принятия решений?

— Министерство выдало новое разрешение на ввоз ДДТ, в то время как общественности не позволили участвовать в обсуждении этого вопроса, хотя это произошло уже после того, как мы подали в суд на сельскохозяйственную компанию, — объяснил Иван.

Это действительно было правдой. Пока мы занимались делом о распространении клеветы, компания Грин Нью Кропс Лимитед обратилась за новым разрешением на ввоз ДДТ, чтобы увеличить свои запасы этих веществ. Это случилось уже после того, как они заявили моей маме, что прекратят его использование. У них

заканчивались запасы этого химиката. Министерство сельского хозяйства и охраны окружающей среды не поставило мою маму в известность, оно также не поставило в известность «Защитников дельты» и живущих рядом людей. Несмотря на их молчание, мама и Иван узнали об этом. Сейчас можно сказать, что у них были свои люди в компании, которые понимали и полностью поддерживали их борьбу, хотя и не могли открыто выразить свою поддержку, боясь потерять работу. Но как только мы узнали о том, что компания затребовала новое разрешение на ввоз отходов, «Защитники дельты» обратились к Министерству с требованием предоставить возможность участвовать в процессе принятия решения.

— Иван, я совсем запуталась. Орхусская конвенция и закон от 5/2001 утверждают, что у нас есть право участвовать в процессе принятия решений, а они опять закрыли перед нами дверь, — сказала мама. В ее голосе было больше усталости, чем печали.

— Анна, дверь для нас должна быть открыта, а если она закрыта, мы должны постараться её снова открыть. А если её захлопнули и закрыли на замок, нам нужно стучать без устали, пока не откроют. Это наше право, и обязанность властей — отворить её.

— Хорошо, Иван, ты считаешь, что мы сможем выиграть это дело?

— Да.

— А чего мы ждём от этого дела? Какой иск мы подадим? Какова наша цель?

— Мы будем требовать, чтобы суд своим решением приостановил действие получения разрешения из-за того, что общественность не могла принять участие в

процессе принятия решения. Более того, мы попросим суд обязать Министерство начать эту процедуру опять, чтобы мы могли выразить свое мнение по поводу выдачи такого разрешения.

Они надеялись, что наконец суд признает их права и даст им возможность вмешаться в процесс принятия решения. И опять они ошиблись...

* * *

— Что же означает эта «заинтересованная общественность»?! — с отчаяньем в голосе воскликнула мама.

— Это понятие, о котором говорится в Орхусской конвенции, когда рассматривается право участия в процессе принятия решений по вопросам, касающимся защиты окружающей среды. Если кто-то относится к «заинтересованной общественности», тогда он имеет право принимать участие в этих решениях.

— А ты разве не заинтересован? Господи, ведь мы же боремся против сельскохозяйственной компании! Кто, как не мы, может считаться заинтересованным?

— Анна, дело в том, что это правовое понятие. Суд пришёл к выводу, что тебя лично разрешение на импорт прямо бы не затронуло.

— А как же «Защитники дельты»? Мы ведь вместе подавали иск! Вы же экологическая общественная организация, Роберт!

— Это правда, но мы не отвечаем требованиям национального законодательства по этому вопросу.

— Какие требования ты имеешь в виду, и где о них говорится?

— Как правило, предполагается или «считается», что экологические общественные организации прояв-

ляют интерес к вопросам экологии, и таким образом, являются «заинтересованной общественностью». Но разные страны могут устанавливать ограничения относительно этого вопроса в своих законах. В нашей стране эти ограничения излагаются в законе от 5/2001: необходимо, чтобы общественная организация была зарегистрирована по крайней мере четыре года, прежде чем она может подать иск, а нам всего два с половиной года, — вздохнул Иван.

— Но ведь это нелогично? Зачем это ограничение?

— Ну... Я полагаю, в этом проявляется стремление избежать появления так называемых неправительственных организаций *ad hoc*. Я имею в виду, избежать ситуации, когда с появлением каждого нового вопроса регистрируется новая неправительственная организация.

— А Орхусская конвенция это разрешает?

— Гм... Хороший вопрос, но боюсь, что не могу на него ответить; нам, наверное, следует обратиться в Комитет по соблюдению Орхусской конвенции, который даст свою оценку.

* * *

К тому времени, когда моя сестра начала ходить, нами было проиграно большинство исков. Мама и Иван подали апелляцию в специальный комитет, который собирается в Женеве (в региональной штаб-квартире ООН), возлагая на эту апелляцию последние надежды. В своём заявлении они утверждали, что правительство нарушило свои обязательства по Конвенции, отказав в предоставлении информации, отрицая тот факт, что оно имеет обязательства предоставлять информацию и лишив граждан их права на рассмотрение дела в суде, на доступ к правосудию. Теперь маме и её друзьям необхо-

димо было дожидаться какой-то крупной международной встречи, на которой будет вынесено окончательное решение по нашему вопросу. К сожалению, наше правительство проигнорировало работу комитета и даже не послало своих представителей присутствовать при рассмотрении этого вопроса в Женеве.

Никто не мог понять такое отношение государственных органов. Тем временем к нам опять пришла весна, и к нам опять летели аисты. Два аиста будут искать гнездо на крыше старого домика, и им будет невдомек, что гнездо находится в центре битвы. Ведь это невидимое поле битвы: это место, где противоборствуют химия и природа, где горстка преданных делу чудаков противостоит современной промышленности.

* * *

— Рассмотрев факты по данному делу и соответствующее законодательство, суд пришел к следующему заключению, — председатель апелляционного суда сделал паузу. Он выглядел уставшим. Судьи дважды покидали зал заседаний для обсуждения. На прошлой неделе они, по-видимому, не пришли к согласию. На этот раз им удалось это сделать после трехчасовых обсуждений. Предполагалось, что судья зачитает лишь заключительную часть решения. Тем не менее, председательствующий судья, казалось, имел намерение рассмотреть вопрос детально.

К этому моменту мы тоже были крайне измучены, потому что за это время мы подготовились и посетили около пятидесяти заседаний в судах первой инстанции, апелляционных, Высшем и Верховном судах. Не могу вспомнить ни одной недели, когда бы не происходило заседание какого-то суда по нашему делу. Я никогда не забуду это время: мама или Иван, а иногда они оба, про-

водили все время в поездках: отправлялись в столицу на одно заседание, затем возвращались обратно, чтобы присутствовать на другом, а потом опять садились в поезд, чтобы успеть на следующее заседание. Это был их последний иск: дело рассматривалось в апелляционном суде. Они проиграли иск в суде первой инстанции, но это слушание было важнее. По нашим законам решение суда первой инстанции не вступает в силу, если подана апелляция. Однако решение апелляционного суда вступает в силу немедленно, независимо от того, подадите ли вы апелляцию в Высший суд. Потом вам, вероятно, придется ждать месяцы, а иногда и годы, пока примет решение Высший суд, а к этому времени будет, возможно, слишком поздно изменить ситуацию или защитить свои права.

— Ответчик, Министерство сельского хозяйства и охраны окружающей среды, разрешил использование определенных пестицидов в работе крупного сельскохозяйственного проекта. Эти пестициды известны под названием ДДТ, сокращенного названия активного химического соединения, — продолжал судья.

— Ответчик утверждает, что это химическое вещество применяется во многих странах, и если его использовать правильно, не представляет угрозы здоровью людей и окружающей среде. В то же время, оценка влияния на окружающую среду (ОВОС), проведенная в рамках проекта, не включала изучения этого его аспекта. Тем не менее, заключение экологической экспертизы послужило основанием для выдачи Министерством разрешения на использование этого химического вещества в работе компании Грин Нью Кропс Лимитед.

— Истец утверждает, что заключение экологической экспертизы — необоснованное и является неправомер-

ным. Он требует, чтобы суд аннулировал заключения экологической экспертизы. Истец представил научно подтвержденные доказательства, включающие в себя отчеты Организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства ООН (ФАО) и письменные показания под присягой нескольких ученых из разных стран мира, где упоминается существование возможных негативных последствий использования ДДТ для здоровья людей и окружающей среды.... Истец также утверждает, что в настоящее время использование ДДТ в других странах ограничено мерами по борьбе с малярией.

— Суд пришёл к заключению, что научные исследования не дают четкой картины возможных последствий использования ДДТ для здоровья людей, и таким образом, существует много разногласий по этому вопросу. В некоторых исследованиях утверждается, что данное химическое вещество, возможно, является канцерогенным и может вызывать раковые заболевания. Следует также отметить, что большинство исследований приходят к выводу о чрезвычайной токсичности ДДТ для водной флоры, фауны и птиц....

— Столкнувшись с такими разногласиями в научных оценках, которые суд не в состоянии решить, суд пришел к заключению о том, что органы власти, которые выдают разрешения и принимают другие соответствующие решения, включая экологическую экспертизу, были обязаны рассмотреть вопрос о возможных последствиях использования ДДТ для окружающей среды и здоровья людей. Суд пришел к заключению, что документы, представленные ответчиком, свидетельствуют о том, что этот вопрос не рассматривался в процессе экологической экспертизы и выдачи разрешения на ввоз вещества.

— Таким образом, основываясь на фактах и своём понимании законов и фактов, суд пришел к заключению, что в процессе выдачи разрешения и утверждения экологической экспертизы, ответчик не рассматривал возможные экологические последствия и влияние на здоровье человека использования химического соединения, известного под названием ДДТ. Суд аннулирует разрешение, аннулирует заключение экологической экспертизы и запрещает использование ДДТ вплоть до того момента, пока Министерство не проведет всестороннее изучение его возможного воздействия. Все издержки суда оплачиваются ответчиком.

Мы не верили своим ушам! Решение, в которое трудно поверить, решение, которое означает нашу победу! Долгожданная победа пришла, когда у нас практически не осталось надежды. Мы вышли из зала суда, нашей радости не было границ. Ещё не веря в невозможное, моя мама и Иван не могли вымолвить ни слова: они только улыбались. Это решение суда подарило нам новую надежду; ведь суд дал нам намного больше, чем просто решение в нашу пользу. Решение было принято как раз тогда, когда мы все уже слишком устали, чтобы продолжать борьбу, когда наши огромные усилия казались недостаточными и просто безуспешными. Оно подарило нам надежду на будущее, и это будущее может оказаться совсем другим благодаря нам.

* * *

Когда сейчас читаешь это решение суда, оно совсем не похоже на победу. Это просто объемный документ длиной в двадцать шесть страниц. Вы знакомитесь с фактами и выдержками из законов, читаете аргументы и показания, перечитываете краткие судебные выводы и оценки. Его просто тяжело дочитать до конца. Но если

вы задумаетесь о мужестве судей, принявших это решение, вы вдруг осознаете, что за каждой страницей стоят дни и месяцы, отданные работе над этим судебным делом. Вы поймете, что это решение, возможно, спасло жизнь сотням людей и тысячам птиц, а также сотням тысяч других живых существ вокруг нас. И тогда вы осознаете, что каждое такое судебное решение — часть огромной мозаики. Мозаики, которая создается в разных уголках мира, чтобы защитить землю. Вы вдруг увидите повсюду вокруг себя её маленькие частички: плакаты по дороге на работу, выступления и протесты по телевидению, а еще — это люди, которых бросили в тюрьму за то, что они осмелились говорить правду вслух.

Вы наконец признаетесь себе, что эта мозаика не что-то новое — она существует уже давным-давно, помогая вести бесконечную битву — битву, такую очевидную для одних и совершенно незаметную для других.

И тогда каждое слово судебного решения станет мечем и стрелой, оружием, которое еще не раз потребуется многим людям в их отважной борьбе за спасение планеты. Эти люди осмеливаются не думать о поражении, ведь иначе они бы не начинали борьбы — им просто нужны эти мечи и стрелы, чтобы продолжать своё дело.

* * *

Через несколько недель мы получили решение комитета в Женеве. Комитет по соблюдению Орхусской конвенции пришел к выводу, что наша страна не выполняет свои международные обязательства, отказывая нам в доступе к экологической информации и ограничивая наше право на рассмотрение дела в суде. Ещё одно нарушение Конвенции состояло в том, что правительство

не предоставило возможности общественности, которую затрагивают эти решения, выразить своё мнение относительно проектов, например, планирование сельскохозяйственных угодий или ввоз ДДТ. Представители Комитета требовали, чтобы наше правительство разработало специальную стратегию для обеспечения соблюдения своих международных обязательств по Орхусской конвенции. Эти меры должны были включать такой важный пункт, как обучение государственных чиновников и судей. Более тридцати европейских стран совместно утвердили это решение, основываясь на рекомендациях Комитета по вопросам соблюдения Орхусской конвенции.

* * *

Роберт и мама разговаривали с Аликом, её первой любовью.

— Алик, ты должен нам помочь. Мы точно знаем, что ДДТ использовалось на землях компании, но не поймём, откуда там взялась ртуть.

— Анна, ты должна мне пообещать, что никто не узнает о том, что я тебе сейчас сообщу.

— Не переживай. Мы тебе это обещаем, правда, Роберт?

— Конечно, обещаем.

— Договорились. Когда компания «Грин Нью Кропс Лимитед» купила землю, они начали готовить её для посевов. Они сняли с поверхности много почвы и всего остального, чтобы сделать поверхность более гладкой и плоской, потом они всё это сбросили прямо в речку.

— Но откуда же ртуть? — спросил Роберт.

— Дай мне закончить. Там когда-то находился завод по производству хлора. По сути, дядя Анны...

— Алик, он уже это знает. Продолжай.

— Хорошо. Этот завод имел какие-то контейнеры, куда помещались отходы их производства. Периодически эти контейнеры опустошались, но где-то к концу деятельности завода на это больше не было денег, и когда компания «Грин Нью Кропс Лимитед» купила землю, контейнеры были полными. И тогда компания перемешала все отходы с почвой и сбросила их в речку. А здания завода еще оставались заброшенными три или четыре года, прежде чем на место прибыла компания «Грин Нью Кропс Лимитед».

— Ну а ртуть? — спросила мама.

— Анна, я же не химик, — сказал Алик.

— Я тоже не химик, но я точно знаю, что все эти старые заводы по производству хлора использовали и до сих пор используют в своих технологических процессах ртуть, — подытожил Роберт.

— Мы нашли еще один источник наших проблем, Иван, — говорила моя мама на следующий день, сидя у Ивана в офисе. Мне остается только догадываться, что в это время было написано на его лице.

* * *

Мама продолжала вести борьбу до конца своих дней. Она стала не только защитником окружающей среды, но и защитником демократии, всегда говорил, что мы должны быть сознательной частью общества; она говорила, что мы не можем молчать, если считаем, что творится несправедливость.

Когда я пришёл навестить маму в больнице, она дремала. Я принёс ей фотографию птенцов аистов, выглядывающих из нашего гнезда. После того, как врачи запретили маме ездить куда-либо, мы стали приносить ей

фотографии каждого нового семейства аистов, каждый год новую фотографию. Она убежденно доказывала, что узнаёт аистов, которые возвращались снова и снова, и даже их детей. Каждый год мама заменяла старую фотографию новой и ставила ее на полку, где находились фотографии нашей теперь уже большой семьи. Какое-то время я смотрел на нее, не желая тревожить ее снов. Ее дыхание было спокойным, а лицо светилось умиротворенностью. Губы ее тронула улыбка и так и осталась на губах. Видела ли она что-то во сне? Возможно...

Тогда я видел маму живой в последний раз. Дедушкин дом больше не принадлежит нашей семье. Мы передали его «Защитникам дельты». Сегодня мой брат — новый директор организации. Кроме этого, каждый год мы приезжаем помочь им починить крышу домика на старой ферме. Весной, когда я еду на работу и вижу, как в небе пролетают аисты, я тихо прошу их найти наше гнездо. Мои дети надо мной подшучивают, замечая, как я шепчу что-то себе под нос, точно так же, как я подсмеивался над рассказами бабушки много лет назад, или, может быть это было только вчера? Так же как и он, я не возражаю.

* * *

Послесловие

Возможности граждан обращаться в суд для решения экологических проблем всё ещё ограничены в нашем регионе, как и в большинстве стран мира. И всё же трудно переоценить роль судов в контексте усилий по защите окружающей среды, развития демократии и установления принципа верховенства права.

Эта история основана на реальных событиях и судебных делах. На эту работу нас вдохновил обобщенный опыт работы и практика, собранные в регионе Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии, а также в других уголках Европы и мира. Некоторые из этих дел представлены в приложе-

ниях к данной книге. Они отображают последний опыт общественности по защите окружающей среды путём применения национального законодательства. Все дела были собраны в ходе регионального обзора судебной практики по практическому применению Конвенции ЕЭК ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (Орхусс, 1998).

Эта книга не является попыткой описать идеальный судебный процесс или экологическую кампанию. Мы постарались включить в неё все известные стратегии, используемые экологическими организациями, а также описать трудности на пути реализации их права на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Не представляется возможным включить многие детали собранных дел и многие факты, имевшие место в жизни. Некоторые судебные дела по защите общественных экологических интересов состоят из нескольких исков и других процессуальных действий. Таким образом, даже воспроизведение решений, принятых в рамках одного дела, потребовало бы не одной, а целого ряда публикаций. Некоторые диалоги и описанные события отражают реальные события, собранные в процессе анализа судебных дел, интервью или из личного опыта авторов.

Авторы выражают глубокую благодарность юристам-экологам и их организациям за предоставленные обзоры судебных дел: Ольге Мелень (ЭПЛ, Украина), Павлу Замфиру (Эко-Лекс, Молдова) и Самире Исаеву (Эколекс, Азербайджан). Наша особая благодарность Эдуардо Саласар Ортуньо, Фе Санчис Морено, Наталье Андрусевич, Олегу Печенюку и Зоряне Козак.

Мы благодарны всем коллегам из нашего региона, а также со всего мира, за то, что они вдохновляли нас на создание этой книги своей ежедневной работой — в том числе судебной — по защите окружающей среды.

Мы также хотим выразить благодарность нашим семьям за их поддержку и терпение во время работы над данной книгой.

*Герои и события,
описанные в этой книге,
выдуманы.*

«Зеленая» битва за дельту Дуная!

Обзор дела I, Украина

Ольга Мелень, ЭПЛ, Украина

Сюжет этой истории может показаться довольно-таки типичным и предсказуемым: могущественные правительственные силы заявляют о своих планах экономического развития, и ничто не может послужить преградой для воплощения их грандиозных идей — ничто, кроме интересов защиты окружающей среды и неправительственных организаций.

Планы украинского правительства относительно строительства глубоководного судоходного канала, соединяющего Дунай и Черное море, впервые прозвучали в 2000 году, и были бы спокойно восприняты общественностью, если бы не одна деталь: это строительство стало смертельной угрозой для существования Дунайского

биосферного заповедника. Строительство судоходного пути разделило бы его пополам, разрушая наиболее ценные и экологически уязвимые участки в заповедной зоне (ядре резервата) — те земли, которые строго охраняются.

Большинство жителей Украины слабо представляют себе, что такое Дунайский биосферный заповедник. Поэтому, когда они слышат об активном движении грузовых и пассажирских судов по реке Дунай, одной из наиболее загрязнённых рек, им сложно оценить ущерб, который будет нанесен этому уникальному месту. У меня, девушки из города, родившейся за 1000 км от этого места, дельта Дуная тоже не вызвала никаких особенных ассоциаций, но планы Министерства транспорта о строительстве судоходного канала вызвали у меня чувство возмущения, ведь это было явным и вопиющим неуважением законов Украины. Высокопоставленные государственные чиновники не желали согласовывать свои планы развития с законодательством, запрещающим коммерческую деятельность на охраняемых территориях, они не принимали во внимание такое понятие, как «биологическое разнообразие». Разработка этого проекта представляется просто разбойничьим нападением на охраняемые территории, имеющие исключительное национальное и международное природоохранное значение и составляющие половину трансграничного румыно-украинского биосферного резервата. Данный проект представлял серьезную угрозу как системе охраняемых земель Украины, так и принципу верховенства права.

Исходя из этого, ведущие специалисты неправительственной организации Экоправо-Львов (ЭПЛ), где к тому времени я более года работала юристом, решили, что необходимо съездить в дельту Дуная и провести

предварительное расследование, прежде, чем решить, браться за это дело или нет. Наше путешествие было долгим и утомительным, но прибыв на место, мы были более чем вознаграждены: это был совершенно другой мир, имеющий свои собственные традиции, ценности, стиль жизни и окружающую среду. Дельта Дуная — это место, где, кажется, остановилось время, где нет и следа цивилизации, где природа почти еще не ощутила разрушительного влияния человечества.

У берегов Черного моря река Дунай встречается с морем, создавая одно из наиболее ценных водно-болотных угодий в мире — дельту Дуная. Этот лабиринт озер и проток занимает более одного миллиона акров на территории Румынии и Украины. В дельте находятся самые большие заросли тростника в мире, она также является домом для многих видов птиц, рыб и растений. Тысячи пеликанов в небе, черепахи, откладывающие яйца вблизи тропинок, огромные рыбыны, плескающиеся в зеленых водах Дуная — это не кадры из фильма на канале National Geographic, а реальная природа дельты Дуная, к которой можно прикоснуться. Я постаралась представить себе, как большие транспортные грузовые корабли могли бы нарушить течение жизни и вообще разрушить этот спокойный и умиротворенный оазис! Внезапно у меня промелькнула мысль, что все эти птицы и рыбы не могут подняться и выступить в свою защиту. Поэтому это надо было сделать нам — начав зеленую битву!

Возвратившись домой, вдохновленные и полные незабываемых впечатлений, мы развернули правовую кампанию. Юридическая стратегия ЭПЛ все больше усложнялась после еженедельных встреч юристов, ученых и международных, ищущих способы решения проблемы как на национальном, так и на международном уровне. На государственном уровне судебные про-

цессы сводились к земельным вопросам, обжалованию Указа Президента Украины и трем судебным делам, оспаривающим заключение государственной экологической экспертизы (оценки влияния на окружающую среду) Дунайского канала. На международном уровне стратегия включала жалобы и уведомления, направленные в Европейский Союз, обращения в комитеты ряда международных соглашений (Дунайская, Орхусская, Бернская, Рамсарская конвенции, конвенция Эспо), а также ЮНЕСКО, Международную комиссию по охране Дуная (ICPDR) и Международный союз охраны природы (МСОП).

Однажды к нам в офис позвонил встревоженный директор биосферного заповедника. Он рассказал нам, что хотя многочисленные проверки администрации заповедника не обнаружили никаких нарушений, против его работников было открыто уголовное дело, документы и компьютеры были изъяты, и в результате обычная, каждодневная работа заповедника — приостановлена. Такие действия привели к конфликтам среди сотрудников резервата и чрезвычайно усложнили выполнение их обязанностей по охране природы. Все эти обстоятельства требовали огромного мужества и самоотверженности от директора заповедника, Александра Волошкевича, который был полон твердой решимости не опускать руки и продолжать тяжелую борьбу против могущественного министерства. Уголовное дело открыли те, кто поддерживал строительство канала. Государственное предприятие «Дельта-Лоцман» — основной подрядчик и лоббист проекта — обратилось с жалобой в правоохранительные органы Украины относительно некоторых действий администрации заповедника, хотя было совершенно ясно, что это дело не имело под собой никаких оснований. Лишь спустя годы, после длитель-

ной борьбы и многочисленных судебных процессов уголовное дело было закрыто.

В то время, пока в ЭПЛ мы обсуждали как нам обращаться в суд для защиты дельты Дуная, наши противники начали атаку на биосферный заповедник и его права на землю. Местный городской совет, представленный нанятыми Министерством транспорта людьми, а также прокурор и представители компании «Дельта-Лоцман» подали иск в суд, обжаловав предыдущее решение, давшее Дунайскому биосферному заповеднику права на землю, подтвержденные документами. Было очевидным, что данный вопрос был чрезвычайно важен для наших противников, и все же они не имели достаточно аргументов для своих претензий, прокурор точно не знал, чьи интересы он представляет в суде, иск, как оказалось, не был подписан ни одним соответствующим лицом, а юристы плохо представляли себе, какие именно нормы и процедуры следует применять. Судебный процесс был долгим и утомительным, он помог нашим противникам узнать больше об экологическом и земельном законодательстве и закончился нашим поражением по одной простой причине: судьи, рассматривающие дело, подвергались постоянному давлению со стороны вышестоящих и более влиятельных должностных лиц. Один честный судья апелляционного суда имел смелость нам в этом признаться. Апелляция, поданная для обжалования противозаконного решения, лишаящего резерват его земель, всё ещё находится на рассмотрении в Верховном Суде Украины.

Судебные иски и уголовное преследование были не единственными методами, используемыми Министерством транспорта для того, чтобы уничтожить все существующие правовые преграды для их «утопического» плана. С целью устранения любых правовых

препятствий для строительства канала, были приняты два Указа Президента. Эти указы изменили зонирование заповедника и изъяли наиболее приемлемые для судоходства участки из его состава. Никогда раньше и никакая другая часть охраняемых земель не удоставалась такой чести со стороны главы государства! К сожалению, эти действия президента послужили началом его практики уделять первостепенное значение экономическому развитию и второстепенное значение защите окружающей среды, игнорируя международные протесты против строительства канала в этом биосферном заповеднике, находящемся под защитой ЮНЕСКО.

Организация ЭПЛ решила обратиться в суд от своего имени, как «заинтересованная общественность», пытаясь восстановить справедливость и предотвратить строительство канала, проходящего через экологически уязвимые районы. На пути юристов ЭПЛ встретилось много трудностей, ведь они посмели стать пионерами в этой области: не существовало никакой положительной судебной практики, судьи недостаточно понимали экологическое право, неопределенность права неправительственных организаций на обращение в суд по таким вопросам, а также — непростой политический контекст. Кроме того, строительство канала поддерживалось государственными лицами самого высокого уровня.

Наверное, кто-то может удивиться, как в демократическом государстве высокопоставленные государственные служащие могут открыто и самонадеянно игнорировать законы Украины. Ответом может послужить фраза, произнесенная в 2003 году Министром транспорта на встрече в Киеве, проходившей на высоком правительственном уровне: «Законы постоянно нарушаются здесь в столице, а вы хотите, чтобы их соблюдали в далеких болотах дельты Дуная?»

Таким образом, ЭПЛ, как общественная организация, борющаяся за верховенство права и защиту окружающей среды, не могла оставаться в стороне от этого процесса. Наша организация подала несколько судебных исков, оспаривающих негативные решения, которые основывались на нарушениях права и пренебрежении мнением общественности. Но судьям было тяжело понять, что каждый гражданин может быть заинтересован в охране окружающей среды, и таким образом, иметь право на обжалование указа Президента Украины, если такой указ нарушает законы и разрушает природные объекты.

Когда ЭПЛ сама выступила в роли истца, реакция оказалась совсем иной. Один судья даже процитировал Орхусскую конвенцию в своем решении, подтверждая возможность неправительственной организации быть «заинтересованной общественностью» и иметь право на обжалование решения Министерства охраны окружающей среды, разрешающего строительство канала.

Имея больше поражений в суде, чем побед, ЭПЛ всё равно продолжала свою борьбу. Одним из действительно обнадеживающих решений было решение суда первой инстанции, признавшее результаты экологической экспертизы проекта строительства канала неправомерным. Судья оказался отважным человеком. Кроме того, он тщательно изучил экологическое законодательство, а также представленные нами доказательства. Но всё же после вынесения положительного решения он заявил, что не может понять, почему неправительственная организация подает такой иск, вместо того, чтобы подумать о конкурентоспособности Украины и проектах строительства! Это решение послужило толчком для дальнейших действий экологов и дало нам надежду добиться справедливости в судебной системе Украины.

Однако позже суд более высокой инстанции отменил это решение и подтвердил разрешение на начало этого разрушительного для природы строительства в мае 2005 года. Это был чёрный день для зелёного движения, объединившегося против разрушения заповедника. Объединение неправительственных организаций, которые активно координировали работу и участвовали в правовой кампании, называлось «Кампания по спасению Дунайского биосферного заповедника». Оно состояло из пяти высокопрофессиональных групп-участников, разделивших между собой обязательства и области деятельности. Считается, что успех юридических инструментов был связан с влиянием широкой кампании в средствах массовой информации, акциями, организованными членами объединения, и с нашим единством. Всё это и привело к огромному резонансу в Украине и за её пределами.

Для того, чтобы дискредитировать позицию нашей неправительственной организации и завоевать поддержку украинского народа, наши оппоненты тоже использовали средства массовой информации, обвиняя наиболее активных участников «Кампании по спасению Дунайского биосферного заповедника» в коррупции, инкриминируя им службу в румынском правительстве и шпионаж в пользу Румынии (потому что эта страна была главным противником планов строительства). Благодаря более широкому доступу к средствам массовой информации и финансовым ресурсам, сотрудники Министерства транспорта сумели создать общий позитивный имидж строительству канала, основываясь на экономических аргументах.

Строительство канала Дунай-Черное море сопровождалось многочисленными нарушениями законодательства, включая дноуглубительные работы, проводимые

в период нереста. Такие нарушения привели к злоупотреблениям государственными деньгами, нарушению правил строительного проекта, а также недостатку эффективного надзора. Строительство канала также оказалось несостоятельным с экономической и гидрологической точек зрения, канал приносил мало прибыли и быстро заиливался. Менее чем через два года функционирования, сопровождающихся постоянными дноуглубительными работами, канал был вынужденно закрыт из-за того, что воды для судоходства оказались недостаточно глубокими.

С первых дней кампании в защиту Дунайского биосферного заповедника, ЭПЛ решила действовать на международном уровне, возлагая мало надежд на эффективность правовых действий на национальном уровне. Как оказалось, международные организации были более независимыми и объективными в оценке плана строительства канала. Их оценка помогла создать дополнительное влияние на Украину относительно ущерба окружающей среде в трансграничных территориях. Зная об обязательствах Украины по многочисленным соглашениям, цель которых — защита окружающей среды, ЭПЛ подала несколько жалоб в международные организации, полагая что они напомнят Украине об её обязательствах по соответствующим международным соглашениям. ЭПЛ смогла выдвинуть весомые аргументы по поводу нарушения ряда конвенций, хотя украинское правительство и продолжало убеждать общественность в правомерности строительства канала. Благодаря расследованиям международных организаций, было объявлено, что строительство канала будет иметь значительное негативное трансграничное последствие, а международные организации подтвердили, что Украина нарушила ряд экологических конвенций.

Но ни Министр охраны окружающей среды, ни другие соответствующие министерства и должностные лица не соглашались с этими заключениям и продолжали искать оправдания своим действиям. Они игнорировали свои обязательства по соглашениям и даже политические санкции, примененные к Украине.

Неутомимая высокопрофессиональная работа команды ЭПЛ и «Кампании по спасению Дунайского биосферного заповедника» была отмечена международной общественностью. Юрист из организации ЭПЛ стала лауреатом Экологической премии Голдмана от Европы в 2006 году. Это событие привлекло широкое внимание средств массовой информации и общественности, снова напомнив всем о проблеме строительства канала. Но несмотря на то, что эта «зеленая Нобелевская премия» оказалась в Украине, правительство не обратило на это внимания. Такое отношение властей еще раз показало, что вопросы защиты окружающей среды и охраны природы не являются приоритетом для нашего правительства и главы государства, а целесообразность строительства канала не подвергается сомнению.

Даже после Оранжевой революции в Украине, принесшей новые выборы и правительство, идея строительства судоходного пути Дунай-Черное море все еще жива. И независимо от того, где в действительности находится граница между экономическими выгодами и затратами на проект, правительство Украины продолжает считать эту идею приоритетной, позволяя даже в несколько раз увеличить затраты на строительство.

Будучи свидетелями реалий современной политической и экономической системы Украины, неправительственные организации все же не теряют надежды и продолжают борьбу за дельту Дуная, понимая, что успеха

можно достичь лишь «бесконечно прилагая бесконечные усилия».

* * *

Иск Ю. Волочук и В. Жалба к Сахарному заводу г. Глодень о взыскании материального ущерба, причиненного в результате сброса сточных вод

Обзор дела П, Молдова

Павел Замфир, Эко-Лекс, Молдова

Осенью 1998 года в Молдове был собран рекордный урожай сахарной свеклы, и промышленные предприятия по производству сахара закупили большое количество сырья. В частности, Сахарный завод, расположенный в г. Глодень, заготовил свыше 300 тыс. тонн свеклы, которая перерабатывалась с большой интенсивностью, от которой выросла нагрузка на производственное оборудование.

Примечание: оборудование Сахарного завода периодически подвергается дезинфекции формалином, с целью обезвреживания бактерий, находящихся в большом количестве в свекловичной мелассе (измельченная масса). Для этих целей Глодянский Сахарный завод в том сезоне закупил свыше 100 кг формалина.

В период декабрь 1998 — январь 1999 гг., производственное оборудование периодически давало сбои, о чём позже свидетельствовали записи в журнале ремонтных работ. Так, например, один раз оборудование вышло из строя более чем на 48 часов, что свидетельствует о перенагрузке и большом объёме сточных вод, которые подлежат предварительной очистке.

Следует особо отметить, что указанное перерабатывающее предприятие строилось в 70 гг. прошлого века, и проект предусматривал очень эффективные по тем временам очистные сооружения. По проекту, сточные воды должны проходить через т.н. накопители, откуда постепенно подаваться на очистные сооружения и после очистки сбрасываются в речку Калдаруша, а затем через каскад озёр — в реку Прут, которая имеет статус трансграничной. Но, как выяснилось в ходе судебного разбирательства, проект также предусматривал и т.н. аварийный обходной канал, через который можно было сбрасывать сточные воды, без предварительной очистки непосредственно в речку Калдаруша.

Примечание: Речка Калдаруша протекает через озеро Обштеаска, арендованное гражданами Волочук Ю. и Жалба В., в котором они выращивали товарную рыбу (толстолобик), в том числе и для работников Сахарного завода.

В указанный период, на заводе накопилось большое количество сточных вод, содержащих высокую концентрацию формалина и других вредных веществ, о чем

свидетельствовал максимальный уровень этих вод в накопителях. Поэтому, чтобы не пропускать эти сточные воды через очистные сооружения, на заводе решили сбросить их через аварийный канал прямо в речку Калдаруша.

Таким образом, сточные воды попали в речку, а оттуда в озеро, что привело к аварийному загрязнению. Этот факт был замечен гражданами и арендаторами, которые забили тревогу и одновременно обратились к руководству завода. На эти обращения, главный инженер завода дал указание своим службам вылить в озеро порядка 75 кубических метров известкового молока, которое имеет очищающее свойство. Этот факт также был установлен в ходе судебного разбирательства.

В дальнейшем руководство завода напрочь отказалось признавать факт сброса сточных вод.

Не дожидаясь каких-либо действий со стороны руководства завода, арендаторы засняли на видео факт загрязнения и мертвую рыбу (пленка с записью была в последствии просмотрена судом и признана в качестве доказательства) и оповестили санитарно-эпидемиологическую службу, Экологическое агентство, прокуратуру и ветеринарную службу.

Затем, указанные службы провели контроль над соблюдением норм экологического законодательства, взяли пробы воды и рыбы, а санитарно-эпидемиологическая служба дала указание собрать всю вымершую рыбу, взвесить её и закопать. Таким образом, было установлено, что всего вымерло 20 тонн товарной рыбы на сумму в 186 тыс. лей.

После того, как руководство завода отказалось компенсировать причиненный ущерб, весной 1999 г. граждане Ю. Волочук и В. Жалба обратились в суд с иском к

Сахарному заводу о взыскании ущерба.

Исковые требования основывались на нарушение ответчиком положений ст. 32 lit.d) и f) Закона об охране окружающей среды и ст. 37 Водного кодекса. Иск о взыскании ущерба был основан также на положениях ст. 475 Гражданского кодекса (редакция закона от 1964 г.), предусматривающей ответственность за нанесённый вред и возмещение ущерба в полном объеме. К сожалению, на момент подачи иска Орхусская конвенция еще не была ратифицирована, и, поэтому, ссылок на ее положения не было.

В поддержание исковых требований истцы привели следующие доказательства:

- акты контроля соблюдения экологического законодательства, составленные работниками Экологического агентства, в которых были установлены и подтверждены факты загрязнения;
- акты взятия пробы воды и рыбы;
- заключение Диагностического ветеринарного Центра о причине гибели рыбы — концентрация, превышающая в несколько раз ПДК, вредных веществ и, дополнительно, — цвет и запах рыбы, подтверждающие факт отравления;
- заключение Научно-исследовательской станции в области рыбоводства о присутствии в водах озера повышенной (в 7 раз) концентрации формальдегида и других вредных веществ;
- акт взвешивания мертвой рыбы и ее захоронения;
- свидетельские показания, заключения экспертизы и другие материалы.

Одновременно с этим иском Экологическое агентство также подало иск к Сахарному заводу о взыскании

ущерба, причиненного водному объекту в размере 1200 лей (порядка 100 долларов США).

Ответчик по делу изначально отрицал факт сброса сточных вод и, в последствии, поставил под сомнение причину гибели рыбы от отравления, а также её количество.

Дело рассматривалось долго, и, изначально, суд первой инстанции отклонил иск. Его решение было обжаловано в Апелляционной Палате. В результате, для определения источника загрязнения, были назначены химическая и техническая экспертизы с целью определения обстоятельств попадания сточных вод в озеро, причин гибели рыбы, концентрации вредных веществ в воде и иле и других обстоятельств.

Так как выводы (заключения) экспертиз были в некотором смысле противоречивы, в суд были приглашены специалисты Государственной экологической инспекции и Научно-исследовательской станции в области рыбоводства, которые и дали соответствующие заключения — рыба погибла от отравления химическими веществами, в первую очередь от формалина, концентрация которого превышала в несколько раз допустимые нормы. Наличие формалина в воде, иле и в рыбе доказывает факт его попадания через сточные воды.

Однако, единственное обстоятельство, которое осталось не до конца выясненным — это каким образом сточные воды попали в речку и озеро, если на заводе действуют очистные сооружения? Основываясь на невозможности точного установления способа загрязнения, а также на утверждении представителя ответчика, что рыба могла погибнуть от удушья, — на тот момент озеро было покрыто толстым слоем льда — апелляция отклонила жалобу истцов.

Решение Апелляционной инстанции было обжаловано в Высшей Судебной Палате, которая своим заключением от 12 июня 2003 г. отменила ранее принятые решения и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При этом, коллегия указала на необходимость более детального рассмотрения всех обстоятельств и выяснение способа загрязнения.

При повторном рассмотрении, суд первой инстанции подошел более ответственно к рассмотрению дела и постановил обязать ответчика предъявить проект строительства (проектную документацию) завода, пояснительную записку к проекту, а также вызвать в суд технического специалиста. При изучении указанной документации, эксперт дал заключение о возможности сброса сточных вод непосредственно в речку, без предварительной очистки, через обходной аварийный канал.

В противовес этому, представитель ответчика предложил выслушать в качестве свидетелей некоторых работников завода — главного инженера, начальника очистных сооружений, зав.лабораторией. Как и следовало ожидать, эти лица полностью отрицали даже саму идею о сбросе неочищенных сточных вод. Поэтому, учитывая наличие у указанных лиц трудовых отношений с заводом, мы попросили суд оценить объективно эти показания, тем более что они противоречили другим материалам дела. Суд согласился с данным доводом.

При рассмотрении дела, суд просмотрел видеокассету с записями факта загрязнения и мертвой рыбой и видимо это произвело на судью неизгладимое впечатление.

Следует отметить вопиющий факт — иск Экологического Агентства к Сахарному заводу о взыскании ущерба, причиненного водному объекту, на стадии по-

вторного рассмотрения в суде первой инстанции был отозван. Это свидетельствует о халатном отношении людей к своим должностным обязанностям, которые должны в силу закона добиваться возмещения ущерба причиненного окружающей среде.

После годового разбирательства суд первой инстанции вынес решение, в котором исковые требования были удовлетворены полностью. Помимо других выводов о намеренном сбросе ответчиком сточных вод в речку, суд пришел еще к одному очень важному заключению — сброс неочищенных вод был произведен с целью предотвращения вывода из действия очистных сооружений, т.к. концентрация вредных веществ превышала технические возможности сооружений для их очистки.

Решение первой инстанции было обжаловано ответчиком в Апелляционную инстанцию. Причем в своей жалобе, ответчик выдвинул новую версию гибели рыбы — её перекормили люцерной. Апеллянтом также приводились и другие аргументы, в частности, что ни выше и ни ниже по течению рыба в озерах не погибла, а поэтому вероятность загрязнения водоема равна нулю.

В возражении на жалобу, представитель истцов отметил, что в радиусе 40 км. вокруг загрязнённого озера нет ни одного предприятия, использующего формалин в производственном процессе, а потому ясно кто его применял — это сахарный завод.

24 августа 2004 г. Апелляционная Палата г.Бельцы отклонила жалобу и оставила решение первой инстанции без изменений.

Решение Апелляционной палаты было обжаловано в кассационном порядке в Высшую Судебную Палату. В жалобе никаких новых обстоятельств не содержалось и поэтому, выслушав стороны, 27 декабря 2004 г. коллегия

вынесла определение об отклонении жалобы и оставлении ранее принятых решений в силе.

Таким образом, указанное дело явилось первым успешным делом против крупного загрязнителя природного объекта в истории независимой республики.

Кстати, для исполнения решения (взыскания суммы денег) потребовалось порядка 4-х месяцев.

* * *

Обжалование отказа в предоставлении экологической информации

Обзор дела III, Азербайджан

Самир Исаев, Эколекс, Азербайджан

В середине января 2004 г. на основании распоряжения Главы исполнительной власти (ГИВ) города Баку были вырублены деревья в сквере возле памятника Низами Гянджеви, напротив Музея литературы и искусства.

Общественность города начала протестовать против этого шага местной власти. НПО «Эколекс» обратилась в Министерство экологии и природных ресурсов (МЭПР) и попросила ответить на вопрос, есть ли решение Государственной экологической экспертизы по данному вопросу. На запрос НПО «Эколекс»

МЭПР ответило отрицательно. После этого, 28 января 2004 года «Эколекс» обратилась с запросом на получение информации в Администрацию Главы исполнительной власти г. Баку, в соответствии с требованиями Орхусской конвенции и Закона Азербайджанской республики «О получении информации об окружающей среде», были поставлены следующие вопросы:

- существует ли распоряжение ГИВ города о вырубке зеленых насаждений и, если да, то просим предоставить копию данного распоряжения;
- была ли согласована вырубка деревьев в сквере Низами с Бакинским департаментом экологии МЭПР и, если да, просим предоставить копии соответствующих документов;
- были ли проведены какие-либо исследования для обоснования вырубки деревьев в сквере Низами, получены ли соответствующие заключения специалистов и, если да, то просим предоставить нам копии,
- имеется ли заключение Департамента архитектуры и градостроительства г. Баку о соответствии произведенных работ по вырубке деревьев в сквере Низами Генеральному плану города Баку и, если да, то просим предоставить нам копии соответствующих документов;
- была ли согласована вырубка деревьев в сквере Низами с Сабаилским муниципалитетом, на территории которого находится сквер, и, если да, то просим предоставить нам копии,
- была ли привлечена общественность в процесс принятия решения о вырубке деревьев в сквере Низами, проводились ли с ней консультации, и, если да, то просим предоставить нам копии соответствующих протоколов.

На основании Закона «О получении информации об окружающей среде» государственный орган обязан в течении 10-ти дней отказать в доступе к информации, если для этого есть основания, предусмотренные данным Законом, или в течении не более одного месяца ответить и предоставить копии запрашиваемых документов. Однако, на неоднократные напоминания администрация ГИВ г. Баку не реагировала, и Эколекс пришлось 3 марта 2004 г. обратиться с жалобой «Об обеспечении права на получение информации об окружающей среде» в суд первой инстанции по месту нахождения объекта жалобы и Администрации ГИВ г. Баку — в Сабаилский районный суд г. Баку.

19 марта 2004 года судья Сабаилского районного суда Ф. Агасиева, не приняла жалобу в производство по не предусмотренным в законодательстве формальным основаниям и вернула её НПО «Эколекс» со своим определением.

НПО «Эколекс» подал жалобу на постановление судьи Сабаилского районного суда Ф. Агасиевой. Жалоба была рассмотрена в Апелляционном суде Азербайджанской Республики. Апелляционный суд своим решением от 30 апреля 2004 года отменил незаконный вердикт суда первой инстанции.

Уже по истечению 3-х месячного срока предусмотренного законодательством, судья Сабаилского суда Ф. Агасиева приняла кассационную жалобу к рассмотрению. При рассмотрении жалобы судья Ф. Агасиева выразила свое мнение по поводу жалобы до вынесения решения по делу, и НПО «Эколекс» предоставила ходатайство о смене судьи. Ходатайство было отклонено. Судья Ф. Агасиева 9 сентября 2004 года приняла решение отказать в удовлетворении жалобы НПО «Эколекс». В

своем решении судья сочла жалобу НПО «Эколекс» необоснованной, несмотря на то, что представители ГИВ г. Баку, участвующие в судебном заседании, подтвердили факт вырубки зеленых насаждений. Кроме того, судья приняла за основу формальный ответ Треста зеленого хозяйства ГИВ г. Баку от 02 сентября 2004 года НПО «Эколекс». Данное письмо поступило по почте в адрес «Эколекса» только после принятия решения суда. Судья при объявлении решения отказалась предоставить копию данного письма НПО «Эколекс».

11 сентября 2004 года НПО «Эколекс» опротестовала данное решение суда первой инстанции в Судебную коллегия по гражданским делам Апелляционного суда Азербайджанской республики. Апелляционная инстанция, рассмотрев жалобу НПО «Эколекс», своим решением от 9 декабря 2004 года, оставила в силе решение суда первой инстанции.

НПО «Эколекс» обратилась с кассационной жалобой в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской республики о нарушении норм материального и процессуального права в решениях суда первой инстанции и Апелляционного суда. Но кассационная инстанция решением от 11 мая 2005 года оставила в силе решение судов первой и второй инстанций, обосновав свое решение тем, что жалобщик получил ответ от администрации ГИВ г. Баку, но продолжает жаловаться. При этом Верховный Суд не стал вникать в суть нарушений законодательства, указанные в кассационной жалобе НПО «Эколес».

Это единственный — и неудачный! — судебный прецедент применения Орхусской конвенции в Азербайджане.

Защита активиста: история преданности делу

Обзор дела IV, Украина

Ольга Мелень, ЭПЛ, Украина

Двадцать лет назад весь мир потрясло событие, сделавшее Украину известной всему миру и поставившее рядом с ее именем большую черную метку. 26 апреля 1986 года произошел взрыв на Чернобыльской атомной электростанции, нарушив обычную жизнь сотни тысяч людей, лишив их здоровья и дома, и наложив запрет на использование огромных территорий земли на сотни лет. Радиация, загрязнение и смерть — вот какие понятия стали реалиями для украинского общества, с которыми ему пришлось смириться.

Сегодня, по прошествии 20 лет со дня этой страшной аварии, когда она уже становится

историей, для Украины всё ещё остается важным вопрос атомной энергии, так как наша страна не отказалась от своего атомного потенциала и сохранила свои планы на развитие атомной энергетики. Современные планы предусматривают сооружение около пятнадцати ядерных реакторов с целью укрепления энергетической независимости Украины и увеличения экспорта электроэнергии. И здесь наряду с вопросом энергии возникает вопрос о ядерных отходах и использованном топливе. Такие отходы в значительных объемах накопились на территории всей Украины, и конечно же, мы не имеем никакого морального права перекладывать всю ответственность захоронения ядерных отходов на плечи будущих поколений. Такие размышления стали жизненным кредо гражданина М., посвятившего более 20 лет своей жизни исследованиям, расширению и углублению знаний общественности в области атомной энергетики. Проживая поблизости Южно-Украинской атомной электростанции, М. опасался за жизнь и здоровье своей семьи и других жителей этой местности. Он знал о многочисленных научных свидетельствах ненадежности атомной промышленности и опасностях, которые она несет.

Гражданин М. опубликовал статью в местной газете, выражая свою личную обеспокоенность мерами безопасности, которые принимаются на атомных электростанциях Украины. Его статья подняла важный вопрос, указывая на недостаточные меры безопасности на атомных реакторах, где происходит радиационное и другое загрязнение окружающей среды в регионе. Целью его статьи была также критика новой гидроаккумулирующей электростанции, построенной при поддержке заинтересованных в атомной энергетике сторон и предполагающей значительное развитие существующих

атомных электростанций в будущем. Целью и основной идеей автора было донесение правды о вопросах безопасности в атомной энергетике и повышение информированности населения.

Немедленной реакцией на статью был судебный иск, поданный против гражданина М. государственным предприятием Национальная атомная энергогенерирующая компания ЭНЕРГОАТОМ (ГП НАЭК ЭНЕРГОАТОМ). Компания просила у суда защиты своей чести, достоинства и деловой репутации, требуя от ответчика опровержения необоснованной информации, изложенной в его газетной статье. Истец также попросил суд о компенсации морального ущерба в размере 100 000 гривен (\$ 20 000) — суммы непомерно высокой, просто огромной для преподавателя колледжа, работающего на полставки. Истинной целью этого иска было, без сомнения, запугивание гражданина М., принуждение его прекратить общественную деятельность и ограничение его свободы слова.

М. возлагал мало надежд на судебную систему и адвокатов Николаевской области и обратился в ЭПЛ, попросив защищать его в этом деле, желая иметь хоть какой-то шанс на справедливость. ЭПЛ согласилась предоставить ему юридическую помощь, рассматривая этот вопрос как стратегическое судебное дело, которое в будущем либо создаст прецедент победы активиста над силами большого бизнеса или станет зловещим примером того, как власть имущие подавляют действия настоящих экологических активистов. Будучи одним из первых «стратегических судебных процессов против участия общественности» (известных как «SLAPP» процессы), это судебное дело могло стать первым в ряду многих подобных исков в других частях Украины при условии его положительного решения. Таким образом,

ЭПЛ решила исследовать эту область права и представить интересы активиста на должном профессиональном уровне.

Работа по делу была исключительно сложной. Гражданин М. располагал совсем небольшим количеством надежных источников информации и не таким уж большим числом свидетельств, подтверждающих приведенные им факты, а противники наши были могущественными и хорошо осведомленными. Нам необходимо было упорно работать, чтобы предоставить достаточно доказательств в поддержку М. и проверить достоверность и правдивость всех его высказываний в статье. Но нам все же удалось убедить судью, что автор был честным и добросовестным.

Некоторые аспекты нашей защиты включали практику Европейского Суда по правам человека и применения Конвенции о правах человека в судах Украины. Мы выяснили, что несколькими годами ранее суд города Николаева был первым судом, где использовали в судебном решении нормы Европейской конвенции.

ЭНЕРГОАТОМ требовал астрономической компенсации за ущерб, подав помимо этого извещение в суд, что они передадут все полученные деньги детскому приюту. Ах, какой великодушный шаг!

Основным аргументом истцов в данном деле было их желание защитить общество от негативной и пугающей информации, которая может вызывать панику и даже привести к неправомерным действиям. Истцы не осознавали, что общественность имеет право знать правду, и поэтому её не нужно бояться шокировать.

Судебное дело вызвало большой интерес в кругах местной общественности и журналистов. Залы заседания были переполнены людьми, а перед зданием суда

часто проходили демонстрации в поддержку местного активиста и свободы слова.

После напряженных и длительных обсуждений, судья, пытаясь быть беспристрастным, вынес решение, согласно которому истец получал компенсацию в размере 500 американских долларов от ответчика, который был также обязан отказаться от некоторых из своих опубликованных в статье утверждений. Судья даже попытался применить практику Европейского Суда по правам человека для поддержки позиции истца. Наша апелляция ничего не изменила — апелляционный суд оставил решение суда первой инстанции без изменений. Судьи также были несколько возмущены, узнав неприглядную и пугающую правду, опубликованную М. в статье.

На данный момент дело находится на рассмотрении в Верховном Суде Украины. Мы надеемся получить более беспристрастное и взвешенное решение, отвечающее практике Европейского Суда в делах о свободе слова.

Несмотря на все неудачи, дело активиста М. продемонстрировало представителям атомной промышленности, что общественность — это сильный интеллектуальный противник в суде и что игнорирование мнения общественности может создать более крупные проблемы в осуществлении их стратегических планов. Так называемый процесс «SLAPP», проведенный компанией, не запугал представителей общественности и в действительности произвел противоположное действие на М. и его коллег — вдохновив их на новые самоотверженные действия.